

ДЕТЕКТИВ 2.0: МИРОВОЙ УРОВЕНЬ

АНЖЕЛА МАРСОНС

An artistic illustration featuring two hands, one above the other, both wearing metal handcuffs. The hands are positioned over a vibrant, abstract background of swirling colors including blue, green, pink, and purple, which resembles a liquid or smoke effect. The overall style is painterly and expressive.

КРОВНЫЕ
УЗЫ

Детектив 2.0: мировой уровень

Анжела Марсонс

Кровные узы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марсонс А.

Кровные узы / А. Марсонс — «Эксмо», 2016 — (Детектив 2.0: мировой уровень)

ISBN 978-5-699-99842-5

Романы Анжелы Марсонс стали безусловными международными бестселлерами, уступившими по продажам только «Девушке в поезде» Полы Хокинс. Психиатр Александра Торн считает себя гением. Никто не может так точно «читать» людей, так легко вычислять и использовать их слабости и тайные фобии. При этом она – социопат, начисто лишенная чувства жалости к окружающим. Они – лишь бескрайнее поле для ее жестоких экспериментов. Эти опыты привели доктора Торн на тюремные нары. И с тех пор ей не терпится извести своего единственного достойного соперника, с чьей помощью она и оказалась за решеткой. Инспектора полиции Ким Стоун, до которой доктор Торн дотянется даже из тюрьмы. О, у нее есть блестящий план по уничтожению врага...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-99842-5

© Марсонс А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	23
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	34
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	41
Глава 16	42
Глава 17	44
Глава 18	46
Глава 19	49
Глава 20	51
Глава 21	54
Глава 22	55
Глава 23	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анжела Марсонс

Кровные узы

Angela Marsons
Blood Lines

Copyright © Angela Marsons, 2016

© Петухов А. С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Эта книга посвящается памяти Бо Дэвида Форреста, чья жизнь так трагически оборвалась. Если между нами когда-нибудь ходил настоящий ангел, то это был именно он. Мы навечно сохраним память о нем в наших сердцах.

Пролог

*Тюрьма Дрейк-Холл¹,
наши дни*

Доктор Александра Торн сидела за квадратным столом, который стоял между двумя односпальными кроватями. Этот подержанный предмет мебели был общим, но она полностью присвоила его. Кэсси, ее соседка по камере, с трудом могла читать и писать, и этот импровизированный письменный стол был ей просто ни к чему.

Однажды эта глупая женщина положила стопку одежды на правый угол стола. Достаточно было одного взгляда Алекс, чтобы стопка немедленно переместилась в ноги кровати.

Торн чувствовала, как закачалась правая ножка стула, когда она села на него. Жалкая дешевая мебель мало чем отличалась от ничтожных людей, которые ее окружали.

А вот если б она находилась в своем офисе в Хэгли, то ее ноги сейчас располагались бы под столом красного дерева. Спину поддерживала бы спинка массивного кресла рыжевато-коричневого цвета. Толстый ковер ласкал бы ее ноги, а глаза любовались бы на дорогие картины – часть той роскоши, ради которой Александра так много работала и которую, бесспорно, заслуживала.

Но все это у нее отобрали.

В руке Торн держала дешевую шариковую ручку, хорошо подходившую к рыхлому листу бумаги формата А4, который выглядел так, будто готов был порваться, если она нажмет на ручку чуть сильнее.

Глядя на белую стену перед собой, Алекс могла уговорить себя поверить, что находится в каком-нибудь хостеле или в комнате дешевого грязного мотеля. Правда, не потому, что ей приходилось останавливаться в подобных местах, а потому, что на это хватало ее воображения. А завершал эту картину навязчивый аромат дешевых духов, смешанный с запахом тела.

Торн скрестила ноги под столом. Торопиться ей некуда, так что она в полной мере насладится процессом написания этого письма и тем эффектом, которое оно произведет в будущем.

На свете так много людей, которых она могла бы обвинить в том, что ее жизнь пошла в этом направлении! Но винила она только одного человека. Человека, о котором практически не забывала с момента их последней встречи.

Алекс возмущал тот факт, что никто так и не смог оценить ее эксперименты. Если б у нее было побольше времени, она, несомненно, смогла бы сделать весомый вклад в исследования психики человека. Единственной ее ошибкой был выбор недостойных объектов исследований, которые неизбежно предали ее.

Негромкий голос в глубине ее сознания напомнил ей: она сама виновата в том, что безрассудно позволила своему восхищению известным детективом-инспектором отвлечь ее от основной цели.

Но сейчас настало время восстановить их отношения.

Женщина поежилась от волнения, поднесла ручку к листу бумаги и написав два слова, которые должны изменить все на свете:

«Голубушка Кимми...»

¹ Женская тюрьма закрытого типа, расположенная в Эклшалле, графство Стаффордшир. В тюрьмах подобного рода содержатся преступники, совершившие особо тяжкие преступления (убийство, вооруженное ограбление и т. д.) и представляющие особую опасность для общества.

Глава 1

Ким Стоун слышала шаги у себя за спиной, но не стала оглядываться. Она просто ускорила шаги в унисон с ускорившимся биением сердца. Определить расстояние до преследователя женщина не могла. Он шел за ней след в след.

Ким споткнулась.

Преследователь замер.

Обычный прохожий продолжил бы движение и прошел мимо нее или ускорил бы шаг, чтобы помочь ей.

Этот мужчина не сделал ни того ни другого.

Стоун восстановила равновесие и продолжила свой путь. Шаги за спиной возобновились – теперь они были ближе. Инспектор не решилась оглянуться.

Она быстро оценила место, в котором находилась. В половине двенадцатого ночи на территории промышленной зоны, по которой она шла, было мало людей.

По мере того как Стоун углублялась в этот район, звуки редкого воскресного транспорта становились все тише. Уличные фонари больше не освещали ее путь.

С левой стороны от нее располагался ряд небольших строений, по размерам напоминающих гаражи. С правой начинался проход, который шел между фабрикой скобяных изделий и заводом по переработке пищевых продуктов. По ширине он не превышал пяти футов² и выходил на главную дорогу.

Ким свернула в него.

Шаги последовали за ней.

Стоун пошла быстрее, не отрывая глаз от фонарей на противоположном конце прохода. Бежать не имело смысла. На каблуках высотой в четыре дюйма³ она походила на ребенка, пытающегося сделать свои первые самостоятельные шаги.

Преследователь стал двигаться быстрее.

Дойдя до середины прохода, Ким вновь ускорила шаг. Кровь стучала у нее в висках.

Шаги прекратились. Рука схватила ее сзади, за короткие черные волосы, и припечатала к стене.

– Какого...

Кулак заставил ее замолчать. Нижняя губа Ким лопнула от удара.

Рука закрыла ей рот.

– Не вздумай кричать, сука, а то порешу...

Инспектор попыталась покачать головой, чтобы дать незнакомцу понять, что не будет, но ее затылок был крепко прижат к стене. Неровности кирпичной кладки врезались ей в кожу.

Насильник посмотрел направо, потом налево, а потом прямо на нее – и улыбнулся.

– Тебя здесь даже никто не услышит.

Стоун решила, что он на один дюйм ниже шести футов, то есть выше ее на два дюйма.

Она попыталась дернуться, но мужчина придавил ее к стене своей тяжестью. Его эрегированный член, натягивавший штаны, прижался к ее животу.

Инспектор с трудом подавила тошноту и попыталась высвободить руку. Насильник засмеялся и прижал ее еще крепче. Когда он давил на нее всем своим весом, от ее рук и ног не было никакого толка.

От удара по голове у нее все поплыло перед глазами.

² Мера длины, равная приблизительно 30 см.

³ Мера длины, равная приблизительно 2,5 см.

Ким встряхнулась и посмотрела преступнику в глаза. Ему было около двадцати пяти лет, и на его лице сияло выражение восторга и триумфа.

– Слушай, детка, мы с тобой просто немного повеселимся...

– Не надо... прошу вас... не надо...

– Да ладно тебе; все вы, суки, одинаковы! Самой же хочется...

Мужчина наклонился и облизал Ким шею. Ощущение от его языка на коже было отвратительным. Она снова дернулась. Насильник засмеялся и лизнул еще раз, слегка укусив ее кожу под ухом.

– Сама видишь, как тебе нравится, правда, шлюха?

Ким еще раз попыталась освободиться, но тело напавшего на нее человека все еще прижимало ее к стене. Правую руку он опустил к молнии на штанах.

– Тебе сегодня здорово повезло, детка...

Именно этих слов она и ждала.

Откинув голову, Стоун резко врезала ему лбом по носу. Брызнула кровь. Воспользовавшись мгновением, она ударила мужчину коленом в пах и заломила его правую кисть. И выкручивала его руку до тех пор, пока в ней что-то не лопнуло. Вывыв от боли, насильник упал на землю, хватаясь неповрежденной рукой то за нос, то за пах.

С обоих концов прохода раздались звуки приближающихся шагов. Первыми подбежали Брайант и Ричардс, а потом Доусон с Барнсом.

– Спасибо, что пришли, ребята, – сказала Ким, глядя, как Доусон связывает ноги преступника.

– С вами всё в порядке, командир? – спросил Брайант.

Инспектор кивнула и повернулась к Ричардсу, в руках которого была небольшая аптечка.

– Возьмите мазок у меня на шее, вот здесь, – велела она. Это требовалось на тот случай, если преступник упрется. Его слюна осталась на ее шее, так что ему не отвертеться.

Ричардс достал тампон и провел им в том месте, которое показала Стоун.

– Дайте-ка взглянуть... – произнес он затем, переводя взгляд на ее разбитую губу.

Ким отвернулась и вытерла кровь рукавом.

Потом она наклонилась над ублюдком, который совершил семь изнасилований за последние три месяца. Он не оставил никаких следов на первых шести жертвах, но в случае с седьмой прервал акт недостаточно быстро, и они получили образец его ДНК.

Каждый раз насильник произносил фразу о том, как им всем «повезло», и инспектор хотела услышать ее прежде, чем переходить к решительным действиям.

Теперь его глаза были полны боли и ненависти. Ким ответила на это улыбкой.

– Похоже на то, что на этот раз повезло мне, игрунчик. Ты же должен был слышать, что прерывание полового акта – не самый безопасный метод.

Доусон и Ричардс дружно закашлялись, пытаясь скрыть свой восторг.

Ноги у насильника были уже связаны, а когда они попытались связать ему руки, он вскрикнул от боли.

Стоун улыбнулась и отошла. Ее работа закончена.

Глава 2

Упаковки от бургеров покрывали поверхность всех четырех столов в комнате отдела уголовных расследований полицейского участка Хейлсовен. Ким купила еду по пути с места задержания.

Из всех присутствовавших только Доусон продолжал поглощать какую-то непонятную массу. Пластиковая ложка тщательно выскребла дно контейнера, прежде чем он удовлетворился.

– Вкусно, босс, – заметил сержант.

– Все привели свои записи в порядок? – спросила Ким и в ответ получила три утвердительных кивка. Все детали расследования были аккуратно записаны.

– Ну если ты закончил, Кев, то настало время очищения, и сегодня этим займешься ты, – объявила начальница.

– Минуточку, а почему именно он? – поинтересовался Брайант.

– Потому что он первым добрался до меня в том проходе, – ответила Стоун, бросая Доусону рулон бумажных полотенец.

Несмотря на то что было уже за полночь, Ким после задержания настояла на том, чтобы все они вернулись в участок. После такого напряжения не стоило сразу ехать домой – всех еще переполнял адреналин. Надо было слегка «прийти в себя», чтобы его содержание в крови вернулось на нормальный уровень. Своего рода декомпрессия.

Расследование завершено, и семь женщин, подвергшихся насилию, теперь уснут спокойнее, зная, что их насильник больше не бродит по улицам.

Доусон оторвал два полотенца и начал стирать написанное на доске. У них существовал ритуал – по окончании расследования полностью очищать доску. И кайфовать от возможности уничтожить все следы написанного. Сейчас каждое движение полотенца по доске означало, что на улицах города стало еще на одного ублюдка меньше. Ким смаковала символизм этого очищения.

Завтра ее команда займется бумагами и приступит к допросам – но сегодня они заслужили минуты наслаждения результатами своей работы.

Инспектор встала из-за свободного стола и принялась собирать обертки от еды. Брайант громко зевнул, и как раз в этот момент зазвонил телефон Стоун.

Увидев на экране имя Вуди, Ким вышла из комнаты в тускло освещенное соседнее помещение.

– Сэр? – произнесла она в трубку.

– Я же просил доложить мне, как только операция будет закончена, Стоун, – сердито проворчал звонивший.

– А я как раз собиралась вам позвонить, – ответила Ким, состроив гримасу. – Мартин Копсон уже взят под стражу и...

– Это я уже знаю, Стоун. Я переговорил с сержантом следственного изолятора. Не могу же я ждать всю ночь, пока вы соберетесь позвонить.

Ким нахмурилась. Если шефу все уже известно, то чего он к ней привязался?

– А еще Джек сказал мне, что на вашу физиономию стоит посмотреть, – добавил Вуди.

Инспектор застонала. Чтоб этот Джек из приемной под землю провалился! Теперь понятно, чего нужно ждать...

Она постаралась взять себя в руки.

– Мне казалось, что мы договорились о том, что роль приманки будет выполнять Стейси, а вы и все остальные будете ее страховать? – продолжал Вуди.

– Разве мы так договаривались, сэр? – переспросила Ким невинным голосом.

– Не прикидывайтесь дурочкой, Стоун. Вы прекрасно это знаете. – Старший инспектор тяжело вздохнул. – Она же не только молодая женщина, но и офицер полиции. Так что должна выполнять свою работу.

– Конечно, сэр, – заявила Ким. – Это просто недоразумение.

Установилась тишина, которую инспектор даже не пыталась нарушить. Она продолжала молча ходить по затемненному помещению. Если ее босс мог хоть на минуту представить себе, что она позволит двадцатитрехлетнему ребенку завлечь в ловушку жестокого и порочного насильника, то он знает ее гораздо хуже, чем она думала.

Просто Ким надеялась, что сможет избежать этой выволочки. Вуди сейчас находился в очередном отпуске, но он не смог не сделать последний проверочный звонок, прежде чем уехать на несколько дней вместе со своей внучкой. А она рассчитывала, что к тому моменту, как он вернется, все уже забудется.

– Мы обсудим это, когда я вернусь, – пообещал начальник.

А может быть, и нет.

– Я должна обратить на что-то особое внимание, сэр, пока вы отсутствуете? Например, поливать вашу кошку? Или выпускать ваши цветы на прогулку? – щедро предложила Ким.

– Знаете что, Стоун, вам бы я ни за что не доверил поливать или выгуливать что-то в моем доме. Благодарю за предложение, но моя уборщица держит все под контролем. И не забудьте ежедневно информировать суперинтенданта⁴, пока меня нет.

– Так точно, сэр, – ответила инспектор, закатывая глаза.

– Я слышу, как вы вращаете глазами, Стоун, – сказал Вуди и, немного помолчав, добавил: – Даю вам... м-м-м... возможность потренироваться и научиться лучше управлять ими, пока меня не будет.

Ким открыла было рот, чтобы ответить, но ее шеф успел закончить разговор, хмыкнув на прощание.

Вздохнув, Стоун направилась к двери своего отдела, но остановилась в нескольких шагах от нее.

– Честно, Стейс, надо было видеть босса на этих шпильках, – донесся до нее голос Доусона. – Она...

– Что она, Кев? – спросила Ким, останавливаясь в дверях и облокачиваясь о притолоку. – Ну, продолжай, – поторопила она своего коллегу.

– Нет-нет, я уже закончил! – покачал головой Кевин. – Уже даже не помню, что хотел сказать.

Брайант, который знал начальницу лучше других, спрятал улыбку.

– Да неужели? – Ким сложила руки на груди. – Брайант, подай Кеву туфли.

Сержант пошарил у себя за спиной и выполнил ее просьбу.

– Стейси любит видеть все воочию, – сказала инспектор, склонив голову набок. – Уверена, что она с удовольствием посмотрит на твой показ...

Сержант посмотрел сначала на туфли, а потом на Стоун.

– Вы же не хотите, чтобы я...

– Ты сам начал, – ответила Ким.

Доусон оглядел присутствовавших в поисках поддержки. Стейси приподняла одну бровь, а Брайант откинулся на спинку стула.

– Черт побери, вы все сговорились! – Кевин снял ботинки и носки, и, опираясь на шкаф для бумаг, с трудом впихнул ноги в туфли – они влезли туда только наполовину.

– О-о-о... проклятье... – простонал сержант, попытавшись сделать шаг и все еще держась за шкаф.

⁴ Звание старшего офицерского состава полиции.

Его вид напомнил Ким вид человека, пытающегося ехать на коньках, держась при этом за барьер.

– Пятерка, если сможешь добраться до меня, – предложил Брайант, доставая банкноту из кармана.

– Да за твою пятерку я прохожу в них целый день, – улыбнулся Доусон.

Неожиданно он выдвинул одну ногу вперед и чуть не полетел на пол.

Для Стоун Доусон выглядел, как персонаж третьесортного фильма о зомби. Руки сержант вытянул вперед, то ли для равновесия, то ли для того, чтобы смягчить падение.

Наконец, он упал грудью на стол Брайанта и протянул ему раскрытую ладонь.

– Что заслужил, то заслужил, – заметил сержант, шлепнув по ней банкнотой.

Доусон с умоляющим видом повернулся к Ким.

– Можешь снимать, – улыбнулась та.

– Черт, а мне он только начал нравиться! – заметила Стейси.

– Честное слово, респект и уважуха, босс. – Кевин протянул туфли Стоун, и она запихнула их под стол.

– Ладно, ребята, пора...

На столе зазвонил ее телефон. Нахмурившись, инспектор потянулась к нему.

– Стоун, – коротко произнесла она в трубку.

Слушая то, что ей говорили, инспектор хмурилась все больше и больше.

– Хорошо, все понятно, – сказала она, закончив разговор.

А потом глубоко вздохнула.

– Последнюю фразу можете забыть. По крайней мере, один из вас должен остаться. Пора готовить спички⁵ – диспетчерская только что осчастливила нас новым трупом.

⁵ Ким имеет в виду популярный способ бросать жребий: тот, кто вытянет короткую спичку, делает работу.

Глава 3

За четверть мили⁶ до места Брайант увидел проблески синего маячка, освещавшие ночное небо, и поехал на них. Этакое милое напоминание о том ужасе, который ждал их на месте, подумала Ким.

Спички они тянуть не стали. Брайант отправил молодежь по домам и уселся в машину рядом с ней.

Окружающий транспорт стал двигаться медленнее, и Стоун представила себе полицейского на перекрестке, который направлял машины в сторону от места преступления.

На каждого водителя, который подчинялся ему без лишних вопросов, приходилось по трое, которые требовали объяснений, и вдвое больше тех, кто хоть одним глазком жаждал взглянуть на происходящее.

Местность, известная под названием Колли-Гейт, располагалась на шоссе А-458, которое соединяло Хейлсовен и Сторбридж. Движение здесь никогда не прекращалось полностью, хотя ночью количество машин уменьшалось. От шоссе отходили боковые дороги, которые вели в печально известный жилой массив Танхаус.

Ким часто приходилось приезжать в Танхаус по вызову. В восьмидесятые годы местное население накрыла волна наркомании, грабежей, вандализма, автомобильных краж и насилия. Причем источником всего этого были в основном три высотные многоквартирные жилые башни. Две из них, Киплинг-хаус и Байрон-хаус, разрушили в 1999 году, а оставшаяся башня Чосер-хаус была полностью перестроена. И сразу же по окончании работ там зарезали человека.

Ким помнила магазин, торгующий спиртными напитками, который был пристроен к этой башне. Уровень преступности здесь был настолько высок, что ночью двери его намертво закрывались, а торговля шла через окно.

Они с Брайантом подъехали к внешнему периметру, который был обозначен тремя полицейскими машинами, двумя полисменами в форме и полудюжиной полосатых пластиковых конусов.

Стоун открыла окно и, высунув голову, предъявила свой знак. Один из полицейских убрал конус и взмахом позволил им проехать.

– Ну вот, все начинается по новой, – пробормотал Брайант, глуша двигатель своего универсала «Астра»⁷. Ким обошла фургон Китса и осмотрела место преступления под начавшимся теплым мелким дождем. Осенние дни все еще были ясными, и температура держалась в районе плюс двадцати градусов, так что в утренние часы было никак не меньше десяти градусов тепла.

На придорожной площадке, расположившейся перед несколькими стоящими в ряд зданиями, была припаркована единственная машина – однолетний «Воксхолл Каскада»⁸.

Было видно, что из девяти построек используются только три: в них располагались китайское кафе, торгующее едой навынос, почтовое отделение и прачечная.

Напротив них, через дорогу, но в пределах оцепленного участка, находился паб, который, слава Богу, закрылся несколько часов назад. Ким не хватало здесь только живой аудитории.

Подойдя к машине, она услышала знакомый голос:

– Боже, мой самый любимый детектив! Как ваши дела, Брайант?

⁶ Мера длины, равная приблизительно 1,6 км.

⁷ Популярная модель автомобиля, производимого компанией «Опель» (в Великобритании – «Воксхолл»).

⁸ Среднеразмерный кабриолет, выпускаемый с 2013 г.

Стоун выхватила синие бахилы из рук миниатюрного патологоанатома и постаралась в ответ убить его взглядом.

– Брайант, в загробной жизни вас наградят за то... – продолжал тот.

– Я жду, Китс, – перебила его Стоун.

– Слушайте, инспектор, с вами становится скучно.

А она и не нанималась никого веселить, подумала Ким, воздерживаясь от сотни едких замечаний, которые пришли ей на ум.

* * *

Патологоанатом весил около двенадцати стоунов⁹, а его макушка едва доставала до подбородка Ким; к тому же он успел промокнуть насквозь. Всего этого хватало для того, чтобы она держала язык за зубами.

– Жертва – хорошо одетая женщина, около пятидесяти лет, – сообщил Китс. – Единственная ножевая рана в нижней части корпуса с левой стороны.

Ким кивнула и пошла вокруг машины. На пути у нее оказался молодой человек в очках, и она мгновенно вспомнила Гарри Поттера.

Инспектор сделала шаг влево. Молодой человек последовал за ней.

Она сделала шаг вправо. Молодой человек вновь преградил ей дорогу.

Ким уже думала о том, что стоит просто отшвырнуть его с пути, когда услышала голос патологоанатома:

– Детектив-инспектор Стоун, позвольте представить вам моего нового помощника, Джонатана Баллока.

Перед глазами женщины, как на экране, пронеслась вся полная мучений жизнь этого молодого человека в школе¹⁰.

Помощник патологоанатома поправил средним пальцем очки на переносице, при этом так скосив глаза, словно впервые увидел этот палец. Затем он протянул Ким руку и открыл рот.

– Нет-нет, Джонатан, – остановил его Китс, делая шаг вперед. – С ней лучше не встречаться взглядами и не обращаться к ней напрямую. Как и большинство диких животных, она совершенно непредсказуема.

Стоун обошла его и подошла к передней пассажирской двери машины. Возле нее толпились люди в белых халатах. Один из них наносил слой порошка на ручку двери, другой делал последние фотографии интерьера.

Потом они отступили в сторону и кивнули детективу.

Первое, что Ким ощутила, был запах. Ей в лицо ударил металлический запах большого количества свежeproлитой крови. И хотя этот «аромат» был слишком резким, Стоун он нравился больше, чем липкий, сладковатый запах крови разлагающейся.

Она отвернулась и сделала глубокий вдох, после чего продолжила осмотр, двигаясь взглядом сверху вниз. Сделанные на месте преступления фотографии помогут ей позже, а сейчас главным для нее было запомнить, как выглядит место преступления. Все ее ощущения в данный момент были остры как никогда.

Волосы мертвой женщины, выкрашенные в стильный темно-каштановый цвет, чуть-чуть не доходили до плеч – модная стрижка. Едва заметная седина на висках говорила о том, что их хозяйка уже не молода. На чистом лбу были намеки на продольные морщины,

⁹ Традиционная британская мера веса, равная приблизительно 6,35 кг.

¹⁰ Имеется в виду, что одно из значений английского слова *bullock* – молодой выхолощенный бычок, выращиваемый на мясо.

которые наверняка углублялись и растягивались при движениях кожи на лице. Больше этого никогда не произойдет, печально подумала Ким.

На лице убитой все еще просматривались остатки нанесенной утром косметики. С тех пор она успела побледнеть и стереться, а под левым глазом виднелось пятно от туши, которое, видимо, появилось от неосторожного движения в конце рабочего дня, когда женщина уже возвращалась домой и ее внешний вид был не так важен.

Глаза женщины были широко распахнуты, а губы слегка приоткрылись. Обыкновенный человек решил бы, что она чем-то удивлена, но на самом деле все мертвые обычно выглядят именно так. Когда сердце перестает биться, мускулы на лице опускаются и замирают, не сохраняя последнего выражения лица. В открытых глазах жертвы присутствовало некое осознание неизбежности смерти. А вот если бы они были закрыты, ее лицо выглядело бы спокойным и безмятежным.

В центре мочки каждого уха убитой была жемчужная сережка.

На шее – простая золотая цепочка с рубином в виде сердца, который заметно выделялся на коже.

Воротник простой белоснежной блузки аккуратно лежал на нежно-розовом кашемировом кардигане.

Взгляд Ким опустился ниже. Здесь она остановилась и оглянулась назад.

– Китс, кто-нибудь трогал эту женщину?

Патологоанатом встал рядом с ней.

– Только я, чтобы рассмотреть рану. Сейчас она точно в том положении, в котором я ее обнаружил.

Стоун кивнула и продолжила осмотр. Она отодвинула кардиган в сторону, чтобы лучше рассмотреть рану. Белоснежная блузка была испачкана розовым. Порез в ткани обозначал место входа ножа.

Опустив кардиган, инспектор перевела взгляд ниже.

На женщине были надеты качественные черные брюки. На ногах виднелись туфли-лодочки, изысканные, но практичные. Возле пассажирского сиденья лежала на полу сумочка «Бёрберри»¹¹.

Инспектор взяла ее в руки как раз в тот момент, когда рядом появился Брайант. Хотя официально Стоун не разбивала свою команду на пары, они часто работали вместе с сержантом, и ее боссу это нравилось.

Брайант сводил весь возможный ущерб от ее действий к минимуму. Он обладал хорошими манерами и навыками общения, и они с Ким хорошо сработались. Ей не надо было говорить сержанту, чтобы он нашел того, кто первым обнаружил труп, – он и так это знал. А во время бесед Брайант демонстрировал необходимый уровень предупредительности и эмпатии¹². Сама же Стоун автоматически направилась к жертве – на ее счастье, мертвых обидеть было уже невозможно.

– Ее нашел китаец, который закрывал свою лавку, командир, – доложил сержант. – Он не видел, когда подъехала машина.

– Ладно, – кивнула инспектор. – Пусть постарается вспомнить всех своих посетителей. – Она оценивающим взглядом осмотрела окрестности. – Найди владельца паба и попроси его о том же. Кто-то должен был что-то слышать или видеть.

Брайант отошел, а Ким занялась содержимым сумочки жертвы.

¹¹ Британский производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии класса люкс.

¹² Осознанное или бессознательное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека.

Сама она подобными аксессуарами не пользовалась, но посчитала, что в этой находилось все то, что обычно находится в дамской сумочке. Затем Стоун заглянула в машину и оценила беспроводную гарнитуру. Там же лежал дорогой смартфон.

Ким скорее почувствовала, чем услышала, как кто-то осторожно подкрался к ней.

– Ну же, Китс, продолжайте. Что вам известно? – спросила она.

– Точно известно, что женщина мертва.

Стоун приподняла бровь.

– А вы знаете, что в былые времена, когда наука находилась в зачаточном состоянии, факт смерти устанавливали очень интересными способами? – продолжил патологоанатом.

Инспектор молча ждала.

– Например, тянули за язык или за соски. Делали клизмы из табачного дыма и тыкали раскаленной кочергой в различные отверстия на теле...

– Не очень здорово, особенно если обладаешь привычкой крепко спать, – заметила детектив.

– Так что я поблагодарил бы Господа за изобретение стетоскопа, – пробормотал Китс.

– Хорошо, а теперь расскажите мне что-нибудь действительно важное, – наредила на него Стоун.

– Думаю, что лезвие было длиной пять-шесть дюймов, преступник нанес один-единственный удар, и смерть наступила практически мгновенно.

Об этом Ким и сама догадалась. На руках женщины не было крови – значит, она не касалась раны.

К ним подошел «Гарри Поттер», вновь поправляющий очки на переносице.

– Попытка завладеть машиной, инспектор?

– Боже мой, я же говорил, что к ней нельзя... – пробормотал Китс, качая головой.

– Всё в порядке, Китс. Пусть мальчик выскажется, – разрешила Ким.

Патологоанатом не обратил на нее никакого внимания.

– Уноси ноги, Джонатан, пока цел.

– Я просто говорю о том, на что это похоже, – молодой человек проигнорировал слова своего нового начальника. – Красивая машина и...

– И она все еще здесь, – закончила за него инспектор.

Китс застонал и отошел.

– Может быть, лиходея спугнули? – предположил его новый помощник.

Стоун уже приготовилась ответить ему по полной, но в этот момент увидела, как двигается его кадык, когда он сглатывает, и вспомнила его фамилию. Это ее остановило.

Детектив кивнула на все еще открытую пассажирскую дверь машины.

– Во-первых, забудь слово «лиходея», а во-вторых, посмотри повнимательнее.

Молодой человек повиновался, а Ким продолжила:

– Драгоценности не тронуты. Даже «Ролекс»¹³ на руке на месте. Телефон – тоже, и портмоне лежит в сумочке... Еще что-то увидел?

Баллок отрицательно покачал головой.

– Ремень безопасности отстегнут, – подсказала инспектор. – Машина припаркована ровно, а тело женщины слегка развернуто влево. И какой из этого следует вывод?

Джонатан слегка приоткрыл рот, но вновь отрицательно покачал головой.

– В машине установлена система «ОнСтар»¹⁴. – Стоун указала на три кнопки на панели. Правая была красного цвета, с надписью «SOS». Касание этой кнопки вызвало бы тревогу в центре «Воксхолл» в Лутоне, и полиция была бы давно предупреждена.

¹³ Компания, выпускающая эксклюзивные швейцарские часы.

¹⁴ Подразделение компании «Дженерал моторс», которое занимается обеспечением безопасности транспортных

В глазах юноши мелькнула догадка.

– Значит, это был кто-то, кого она знала?

Слава Богу, он чему-то научился! А теперь пришла пора вправить ему мозги.

– Послушай, хочешь быть детективом – будь им, – сказала Ким. – А нет – так занимайся той работой, которой должен. Мы, дознаватели, не очень-то любим, когда нам указывают на то, как нам выполнять нашу работу.

Баллок согласно кивнул, сглотнул и поправил очки на носу – все одновременно. Этот мальчик прямо какой-то «и жнец, и швец, и на дуде игрец», подумалось инспектору.

Но этот урок он должен усвоить, и Ким постаралась преподать его как-нибудь потактичнее. Другой следователь на ее месте мог бы поступить иначе, и тогда понимание пришло бы к юноше через унижение. Хотя ей тоже запомнилось его пунцовое лицо, когда он отвернулся.

– И вот еще что, Джонатан... – добавила Стоун.

Молодой человек повернулся к ней.

– Если ты хорошо сделаешь свою работу, то это поможет нам сделать нашу, – улыбнулась Ким. – Это понятно?

Джонатан улыбнулся ей в ответ, кивнул и отошел в сторону.

Инспектор же вернулась к содержимому сумочки. Она достала из нее коричневое кожаное портмоне с банкнотами и монетами, визитную карточку дантиста с указанием встречи, назначенной на следующую неделю, чековую книжку и небольшую косметичку.

Потом она вытащила водительские права.

– Ну что ж, Диана Брайтман, посмотрим, что мы сможем о тебе узнать...

Глава 4

Увидев ее, он почувствовал, как его охватывает ярость.

Она поставила правую ногу на землю и наклонила мощный мотоцикл вправо. Левая нога легко поднялась и опустилась на землю, но все-таки, когда она закатывала мотоцикл в ворота гаража, в ней чувствовалась какая-то усталость.

Однако его это мало волновало.

Он уже был здесь, когда инспектор уехала в девять вечера, и все еще оставался на этом месте, когда свет одинокой фары появился на улице почти в два часа утра.

И все это время его мучил один и тот же вопрос.

«Сними же этот шлем! – молча приказал он. – Дай посмотреть на твое лицо. Дай мне рассмотреть тебя – холодную и эгоистичную суку».

Несмотря на то, что раньше они не встречались, мужчина хорошо ее знал. Она спасала людей от дьявола, а теперь дьявол поселился у него в голове.

Всего один вопрос – он хотел задать ей всего один вопрос, прежде чем даст волю той ярости, которая теперь была нацелена прямо в нее.

Вина за насилие в детстве, которое сделало его таким, лежала на ней.

Голос, звучавший в его голове, звучал из-за нее.

Из-за нее он был бессилён стать свободным.

И душа его была полна мерзости тоже из-за нее.

И наконец, этот вопрос вырвался наружу – он произнес его едва слышным шепотом:

– Почему ты меня не спасла?

Глава 5

Ким осторожно вошла в дом. Она не знала точно, кого пытается не побеспокоить. Единственное живое существо в доме, которое совершенно не волновало, что уже больше двух часов ночи, стояло перед дверью и махало хвостом.

– Привет, мальчик. Как ты тут? – спросила Стоун.

Она собрала с пола почту и свободной рукой потрепала Барни по мягкой черной шерсти на голове. Проходя мимо софы, слегка коснулась своего любимого места. Оно было теплым от тела собаки.

Едва слышный голос напомнил ей, что одним из первых правил, которое она установила, забирая собаку из приюта, было «не лежать на софе». Если она правильно помнила, действовало оно целых тридцать пять минут.

Правила «не кормить с рук» и «спать на собственной подстилке» продержались немногим дольше.

– Ну показывай, – разрешила Ким, когда собака пристроилась к ней сбоку.

Пес бросился на кухню и уселся перед буфетом с разными вкусностями.

Барни пристрастно относился к косточкам для чистки зубов. Ким достала коробку с ними и пересчитала содержимое.

– Так я и знала, – сказала она, убирая коробку. С утра в ней было семь косточек, а сейчас оставалось только шесть. Пока хозяйка работала, Барни посещал Чарли, ее сосед, живший через два дома от них, а если ей приходилось задерживаться надолго, забиравший собаку к себе домой. После того, как умерла жена Чарли, с которой он прожил сорок четыре года, они с Барни проводили много времени в компании друг друга. И хотя Ким не раз мягко обращала внимание Чарли на вес собаки, он продолжал портить пса. Инспектор открыла холодильник и достала из него морковь.

Она готова была поклясться, что пес пожал плечами, прежде чем отнести это «лакомство» на свое обычное место для жевания на коврике.

Наполняя кофеварку водой, Ким слышала, как зубы собаки вгрызаются в морковь. Пока они гуляют, кофейная гуща успеет отстояться и напиток приобретет свой идеальный вкус.

К счастью, жаркое и влажное лето уже закончилось, и в конце сентября на улице держалась температура около пятнадцати градусов. Идеально для прогулок.

Пока Барни продолжал бороться с морковкой, его хозяйка просмотрела почту. Счет за газ, баланс из банка... а вот третий конверт заставил ее нахмуриться.

Простой белый конверт, на котором аккуратным почерком были написаны ее имя и адрес. Она уже забыла, когда в последний раз получала конверт, надписанный от руки.

На нем стоял стаффордширский штемпель. Но Стоун не знала никого в Стаффордшире.

Она с любопытством надорвала конверт. И немедленно заметила, что единственный тонкий лист, который в нем лежал, был исписан от руки.

Ошеломленное выражение застыло на ее лице, пока она читала первые два слова.

А потом пальцы Ким разжались, как будто листок внезапно охватило пламя. Он спланировал в воздухе и лег на барную стойку.

Детектив не могла оторвать глаз от первых двух слов. Их мог написать только один человек.

Женщина отошла от стойки и стала мерить кухню шагами.

Неожиданно она вернулась на год назад, к своей первой встрече с доктором-социопатом Александрой Торн.

Стоун всегда с осторожностью употребляла слово «зло», даже в своей работе. Оно было слишком общим, и его было слишком легко применить к людям, совершавшим плохие поступки; но в случае с Алекс Торн даже этого слова было недостаточно, чтобы точно описать презренную натуру этой женщины.

Они встретились во время расследования убийства осужденного насильника¹⁵, и Ким сразу же насторожилась. Правда, даже ей было сложно убедить окружающих, что под личиной красивой, загадочной, очаровательной женщины скрывается «абсолютное зло». Стоун пришлось собрать все свои силы, чтобы вскрыть мерзкий и тошнотворный эксперимент Алекс. Работая над этим, она сама оказалась на грани сумасшествия.

Во время их противостояния инспектор чуть было не погрузилась в черную бездну – это произошло, когда Алекс выложила перед ней ее самые страшные детские воспоминания и обнажила ее самые чувствительные места. Ким тогда почти сдалась. И тем не менее она умудрилась каким-то образом выстоять. Только сила воли и желание показать сущность зла, которое притаилось в душе этой женщины, помогли ей избежать полного уничтожения.

Большинство окружающих считало, что ее стычка с Алекс – это просто еще одно расследование. Время от времени Ким сама пыталась убедить себя в этом. И иногда это срабатывало.

Инспектор не глядя протянула руку за листком и смяла его так, словно боялась, что даже чтение этих слов вернет ее в то прошлое.

Она бросила комок бумаги в сторону мусорного ящика, но тот отскочил от крышки и закатился в угол.

Она выжила в первой битве с доктором Александрой Торн.

Но была совсем не уверена, что сможет выжить еще раз.

Эти ее мысли прервал крик, от которого кровь застыла у нее в жилах.

¹⁵ События, связанные с Александрой Торн, описываются в романе А. Марсонс «Злые игры».

Глава 6

Барни первым добежал до входной двери. Стоун отодвинула захлебывающееся лаем животное в сторону и вышла на улицу.

– Отвали от меня к долбаной матери! – послышалось слева.

Пока Ким бежала к концу подъездной дороги, в домах стали загораться окна, свет от которых разогнал темноту на улице. Шторы были отдернуты, входные двери открыты, но никто не издавал ни звука.

Стоун посмотрела в ту сторону, откуда донесся крик, и увидела темную фигуру, облокотившуюся об уличный фонарь. Какая-то тень мелькнула на углу улицы и скрылась из глаз.

Фигура глухо застонала и сделала два шага вперед.

– Гребаный ублюдок! – выкрикнула она, прежде чем упасть на колени.

Через несколько мгновений Стоун была уже возле этого человека и положила руку ему на плечо.

– Послушайте, вы...

– Отвали! – воскликнула фигура, яростно пытаясь стряхнуть ее руку.

В свете уличного фонаря Ким увидела, что это была девочка, причем еще несовершеннолетняя. Ее короткие волосы были выкрашены в смесь белого и зеленого цветов, все лицо, особенно вокруг глаз, покрывал толстый слой грима, а один глаз уже медленно заплывал. Завтра он будет выглядеть просто сногшибательно.

– Он что, отобрал твою сумку? – спросила инспектор.

Девочка посмотрела на нее с презрением.

– Отвали, сука, пока я не задала тебе хорошую трепку!

Ким рассмотрела незнакомку внимательнее. Костяшки на суставах двух ее пальцев были ободраны и покраснели. На челюсти с правой стороны расцветал синяк.

Инспектор подумала было, что надо погнаться за негодяем, но поняла, что того уже и след простыл.

– Еще куда-нибудь он ударил? – поинтересовалась она.

– Я те еще раз говорю – я в порядке. А теперь проваливай! – рыкнула девочка в ее сторону.

Стоун сделала шаг назад и уже собралась было последовать этому совету – не в ее привычках было навязываться, – но тут еще кое-что обратило на себя ее внимание.

– У тебя кровь идет, – сказала она, увидев, как по шее девочки течет ровная красная струйка.

– Переживу как-нибудь, – ответила та, небрежно стирая кровь. – А вот о том ублюдке этого не скажешь, если тока он мне еще раз встретится...

– Может быть, надо наложить швы... – предположила Ким.

– Дамочка, я предупреждаю...

Защитным жестом инспектор подняла руку. Некоторые люди просто не хотят, чтобы им помогали.

– Дело твое. – Стоун повернулась и пошла к дому. За последние несколько часов она поймала серийного насильника и посетила вызывающее ужас кровавое место преступления. Для одного дня этого вполне достаточно.

Подходя к дому, инспектор вспомнила задиристое поведение девочки и покачала головой. Никаких сомнений в том, что эта пацанка может сама за себя постоять.

Она сделала еще два шага и услышала позади себя отвратительный звук.

Обернулась.

Девочка лежала на земле, напоминая кучу грязи.

Ким застонала в полный голос и направилась обратно.

Глава 7

– Какого черта?.. – воскликнула пострадавшая, резко садясь.

– Успокойся, – сказала Ким, сжав рукой ее худенькое плечико.

Девочка вывернулась из-под ее руки и пристально посмотрела ей в глаза. Глаза ее при этом сузились.

– Ты – та сука, которая не отвалила, когда я...

– Я – та сука, которая притащила тебя к себе домой, когда ты свалилась на улице, крутышка! – рявкнула Стоун.

Взгляд пострадавшей стал печальным.

– Тебя как зовут? – поинтересовалась инспектор.

– Джемма. – Девочка словно выплюнула свое имя, после чего села и подвигала ногами.

– А ты маленькая задира, правда? – уточнила Ким, собирая антисептические салфетки, которыми обрабатывала руки своей неожиданной гостью, пока та была без сознания. – Ну и стоило так драться из-за сумки?

Девочку действительно здорово избили.

– Легко сказать... – ответила Джемма, бесцельно оглядываясь вокруг.

– Соглашусь с тобой, – уступила хозяйка дома, понимая, что девочка могла пострадать гораздо серьезнее.

Та подняла руку и потрогала себя за ухом.

– Это просто пластырь, – объяснила Ким. – Не снимай его до завтра.

– Ни хера себе... – Джемма закатила глаза. – Ты что, медсестра?

– Нет, и я не думаю, что она тебе нужна. Полагаю, что сознание ты потеряла скорее от шока, чем от ран, но, если у тебя болит голова...

– Заткнись, тетка. Дай вздохнуть спокойно.

Для такой маленькой и худенькой девочки у нее была масса сомнений.

Инспектор постаралась скрыть улыбку. Гостья напомнила ей другую девочку-подростка, которую она когда-то знала.

Из собственного опыта Ким знала, что сомнение – это как вторая кожа. Оно появляется для того, чтобы защищаться, а вот просто так возникает крайне редко.

Стоун заметила, что девочка ищет свою обувь.

– В конце софы, – подсказала она. – А куртка висит возле входной двери.

Через мгновение Джемма была уже на ногах. Засунув ноги в поношенные кроссовки, она направилась к двери.

Ким даже не попыталась ее остановить. Она вообще вмешалась во все происшедшее только потому, что оказалась рядом. Так что ее обязанности добропорядочного горожанина были выполнены.

– Послушай, если ты сможешь опознать его и дашь нам его описание... – все-таки не удержалась инспектор.

– «Нам»? – Девочка обернулась, и ее глаза наполнились ненавистью. – Так ты что, гребаная свинья?¹⁶

Ким постаралась сдержать раздражение.

– Я – офицер полиции и...

– Чао, – ответила Джемма, после чего схватила куртку и направилась к входной двери.

Раздражение Ким сменилось восхищением.

Она просто обожала детей с характером.

¹⁶ Уличный сленг; так в Англии называют полицейских.

Глава 8

14 декабря 2007 года

Уважаемый дневник,

Сегодня я, наконец, это сделал. Не могу поверить, что все оказалось так просто. Месяцами представлял я себе этот момент, а все оказалось гораздо проще, чем я думал.

До сих пор не могу понять, когда моя фантазия превратилась в конкретный план. Такое впечатление, что это просто случилось. Я просто думал о том, как классно будет это сделать, и не заметил, что «как» превратилось в «когда».

Весь день я держал этот секрет про себя. Меня так и подмывало рассказать о нем кому-нибудь, поделиться своими волнением и предвкушением, но я сдержался. Потому что хотел сохранить его для себя. Это был мой секрет.

И она была моей.

К концу дня все мои ощущения обострились до предела. Казалось, что по мне периодически пробегает огонь. Теперь я не смог бы остановиться, даже если б захотел. Мои тело и мозг жаждали удовлетворения, о котором я мечтал.

Первая часть моего плана сработала.

Это было грандиозно. Я ощущал благоговение по отношению к самому себе.

И я знал, что главную роль здесь сыграла моя улыбка. Улыбка, которую я шлифовал многие годы.

У меня приятное лицо. И я это знаю. Люди смотрят на меня, а я улыбаюсь им в ответ. И для этого я использую свою благоприобретенную улыбку. Ту, которая помогает мне по жизни. Благодаря ей я всегда получаю то, что хочу. Она не раз вытаскивала меня из беды. Мне говорили, что она способна обмануть кого угодно.

Правда, лично мне нравится моя естественная улыбка. Та, которой комфортно у меня на лице. Та, которая говорит мне о том, что я побеждаю. Моя самая любимая улыбка.

Выполнение плана оказалось просто болезненно простым. Я предложил проводить ее домой, улыбнулся и осмотрел ее с ног до головы. В моих глазах светился вопрос.

Она заколебалась.

Моя улыбка стала застенчивой.

Она согласно кивнула.

Результат был достигнут.

В какой-то момент нашей прогулки я оказался перед выбором. Это не касалось моего плана. Отнюдь. План никогда не подвергался сомнению. Просто левая тропинка вела к ее дому, а правая – к моему.

Она захотела пойти по левой. А я не захотел. Ее криков никто не услышал.

Глава 9

– Ладно, ребята, приступим, – сказала Ким, входя в комнату. – Стейс, фотографии с места преступления готовы?

Стейси кивнула, после чего встала и, подойдя к доске, приклеила на нее фотографии. На первой была голова жертвы крупным планом, а на второй был виден интерьер машины.

Прежде чем начать, Стоун подождала, пока Стейси вернется на место.

– Нашу жертву зовут Диана Брайтман, ей сорок семь лет, и она заместитель директора Службы защиты детей в городском совете Дадли, – заговорила она затем.

– И всего один удар, босс? – уточнил Доусон, встав и посмотрев на фото.

Ким кивнула.

– Очень аккуратно, – прокомментировал сержант, садясь на свое место.

С этих слов и началось новое расследование Стоун. На доске было написано имя и прикреплены фотографии. Теперь эта женщина будет занимать все ее мысли, пока она не выяснит, кто лишил ее жизни. Фотографии на доске давали Ким возможность увидеть эту конкретную жертву воочию. А многие другие жертвы оставались просто именем на доске.

– Никаких повреждений, которые указывали бы на то, что она сопротивлялась. Ремень безопасности отстегнут. – Тут Стоун повернулась к Стейси. – Тело слегка...

– Это был кто-то, кого она знала? – вмешался Доусон.

– Спасибо за подсказку. – Инспектор, прищурившись, посмотрела в его сторону. – Итак, Стейси...

– О, прошу прощения, – извинился сержант, ухмыльнувшись через стол своей коллеге.

Стоун любила вытягивать информацию из своих сотрудников, вместо того чтобы преподносить ее им на блюдечке. Она надеялась, что когда-нибудь они все будут руководить своими собственными командами.

– Похоже на то, – согласилась инспектор с Кевином. – Никаких попыток выдать все за ограбление.

Она задержала взгляд на фотографии – у нее появилась одна смутная мысль.

– Какое-то здесь все бесстрастное, – неожиданно произнесла Стейси.

Ким согласно кивнула. Ей было интересно, заметит ли кто-нибудь еще то, что заметила она.

Ни ярости. Ни злобы. Ни множественных ран, которые должны о чем-то сказать. Ни неистовства руки, наносящей удары, которое невозможно остановить.

Все было как-то очень уж обыденно.

– Ну просто кто-то хотел, чтобы она умерла, – и вот она умерла. О каких еще эмоциях может идти речь? – высказался Доусон.

С этим Ким не могла спорить. Убийцы хватило на то, чтобы ударить ножом и убить женщину. И все-таки что-то здесь ей не нравилось.

– Кев, вскрытие в одиннадцать. – Инспектор решила переключиться пока на другие вопросы. – А после этого я хочу, чтобы ты переговорил с каждым посетителем китайской забегаловки и того паба с противоположной стороны от парковки.

– Н-у-у-у... босс, – произнес Доусон, – а что, если пока кошки нет, мыши...

– Кев, единственная кошка, которую тебе стоит бояться, находится прямо здесь. – Стоун подняла одну бровь. То, что Вуди находится в отпуске, не означало, что они не должны приложить все усилия к тому, чтобы опросить всех посетителей китайской закусочной и паба, или делать это с меньшим усердием.

Стоило признать, что опросить всех и каждого из посетителей обоих мест было практически невозможно, но если поставить перед собой такую задачу и выполнить ее на 95 %,

то она будет удовлетворена. А вот результат в 80 % опрошенных будет не полностью выполненной задачей и означает целую кучу потерянных вероятных свидетелей.

К тому же им все равно сейчас больше нечем заняться. Пока у них есть только труп уважаемой женщины средних лет с единственной ножевой раной в боку. Им срочно надо встретиться с людьми, которые были ей действительно близки.

– Босс, а может, стоит обратиться к свидетелям через средства массовой информации, вместо того чтобы... – предложил сержант Доусон.

– Нет, – ответила инспектор.

– Пока еще все свежо у них в памяти, – продолжал настаивать Кевин.

– Не сейчас, Кев, – терпеливо ответила Ким.

Обращение через средства массовой информации на столь раннем этапе расследования приведет к тому, что им придется разбираться здесь и сейчас с сотнями, если не с тысячами заявлений. Кроме того, это значит, что они должны будут выложить подробности, которыми Стоун еще не была готова поделиться с широкой публикой. Даже семье Дианы Брайтман об убийстве сообщили всего каких-то восемь часов назад.

– Стейси, начинай проверять камеры наружного наблюдения в округе – вдруг что-то получится, – велела Ким, хотя и знала, что это маловероятно. Дорогостоящие системы наблюдения уже давно заменили на муляжи из-за случаев вандализма и краж оборудования. Металлические ставни были гораздо дешевле. Но им нужен был всего один снимок с камеры, так что попробовать все равно стоило.

– Уже делается, босс, – ответила Стейси.

Иногда Ким сравнивала процесс расследования с тем, как отрывают лепестки у розы. Один за другим, один за другим, пока не доберешься до самой сердцевины...

Так что пора было оторвать первый лепесток.

– Брайант, бери свой пиджак, – распорядилась инспектор. – Поедем познакомимся с семьей.

Глава 10

Доктор Александра Торн терпеливо ждала своего солиситора¹⁷ в блоке для свиданий.

Время ожидания она использовала на то, чтобы еще раз проанализировать свое окружение и убедиться в том, что она могла бы попасть в место и похуже этого.

Тюрьма Дрейк-Холл была расположена в Стаффордшире, и во время Второй мировой войны в ее помещениях делали боеприпасы. В шестидесятые годы здесь располагалась мужская тюрьма, которую в середине семидесятых превратили в женскую. В марте 2009 года заведение из полуоткрытого было перепрофилировано в закрытое. Правда, атмосфера здесь мало изменилась, и режим остался практически прежним – например, заключенные могли свободно передвигаться по обнесенной изгородью территории.

В тюрьме находилось 345 заключенных, которые располагались в пятнадцати постройках. Камеры там были в основном одностенными, но встречались и двухместные, и Алекс была благодарна, что сидит именно в такой. От этого зависел весь ее план.

Из-за автомата по продаже кофе появилась чья-то фигура, и Торн приклеила на лицо улыбку. Неплохо выглядит, решила она, следя за тем, как мужчина с улыбкой идет в ее сторону. В отличие от нее у него было больше причин улыбаться.

Фигура пятидесятилетнего мужчины выглядела сухощавой и хорошо тренированной. «Интересно, согласился бы он встретиться со мной в тренажерном зале?» – пришла в голову Александры мимолетная мысль.

Она дала очень точные указания адвокатской конторе «Баррингтон и Хьюм» и теперь имела счастье видеть перед собой самого мистера Дональда Баррингтона. Но за те деньги, которые она им платит, на меньшее Алекс и не рассчитывала.

Она встала и пожала протянутую ей руку, довольная тем, что находится со своим защитником на одном уровне хотя бы в том, что касается их внешнего вида. Его костюм в тонкую полосочку, сшитый на Сэвил-роу¹⁸, соответствовал ее свитеру от Шанель и брюкам от Диора. В Дрейк-Холле заключенным разрешалось носить свою собственную одежду.

– Как ваши дела, Александра? – спросил адвокат, стараясь держаться свободно.

– Пока держусь, Дональд, – ответила Алекс, опуская глаза.

Чутьочка сочувствия еще никому не мешала. Женщина протянула руку и слегка дотронулась до руки юриста.

– Спасибо, что связали меня с Мелвином Троттером. Отличный работник.

Дональд кивнул и поставил свой портфель от «Аспрей»¹⁹ на стол.

Он посоветовал ей Мелвина Троттера, частного детектива. Его услуги, так же как и услуги мужчины, сидящего перед ней, стоили целое состояние; правда, в отличие от Дональда Мелвин уже стал демонстрировать ей свои результаты. Баррингтону же еще только предстояло доказать свою состоятельность. Это может быть сделано только оправдательным приговором, который вынесет апелляционный суд.

– Дата суда назначена – девятнадцатое ноября, – сообщил адвокат.

Алекс постаралась скрыть охвативший ее гнев. Еще шесть недель, которые ей придется провести в этой дыре из-за какой-то ерундовой ошибки в суждении! И дело не в том, что она не может смириться со своим заключением – если надо, она смиритесь с чем угодно, – ей

¹⁷ Категория адвокатов в Англии, которые готовят судебные материалы для ведения дел барристерами – адвокатами высшего разряда. Имеют право вести судебные дела в судах низших инстанций.

¹⁸ Улица в лондонском районе Мейфэр, на которой шьют мужские костюмы безупречного качества и высочайшей цены.

¹⁹ Английский производитель аксессуаров класса люкс.

просто этого не хотелось. Алекс скучала по своему трехэтажному дому в Хэгли. И по спортивной «БМВ». А еще – по хорошей еде и приятному сексу с симпатичными незнакомцами.

– И каков же наш план? – требовательно спросила она, не уверенная, что у адвоката есть хоть какая-то стратегия.

Для нее самой существовал только один вариант: приговор «невиновна», немедленное освобождение в зале суда и возвращение к прежней жизни. Торн заправила прядь светлых волос за ухо. Волосы были длиннее, чем привыкла Алекс, но в тюрьме она стричься не будет, благодарю покорно!

– Мы все стараемся изо всех сил, Александра, – умиротворяюще ответил Баррингтон.

– Хотелось бы в это верить, Дональд.

Было не очень заметно, чтобы он слишком перенапрягался. Да и стратегия у него явно еще не готова.

Алекс подумала о том, сколько могут стоить услуги королевского адвоката²⁰. Ее счет здорово похудел, но он легко пополнится, как только она окажется на свободе и ее доброе имя будет восстановлено. Кроме того, можно будет продать свою обожаемую «БМВ Z4», но это только в самом крайнем случае.

– Вы должны понимать, Александра, что вердикт суда не является чем-то предрешенным, – напомнил ей ее защитник.

Это Торн понимала – и надеялась, что говорится это не для того, чтобы выудить у нее дополнительные деньги. Ее глазам было больно от сверкания его бриллиантовых запонок.

– Но ведь лучше вас никого нет, не так ли, Дональд?

Согласно улыбнувшись, адвокат продемонстрировал идеальные зубы.

– Впереди нас ждет парочка серьезных проблем. Первая – это то, что Руфь Уиллис будет вновь давать показания против вас. Мне трудно объяснить вам, насколько это усложняет наше дело.

Руфь Уиллис была многообещающим предметом для исследований в том эксперименте, который Алекс планировала с того самого момента, как получила степень доктора психиатрии.

Границы человеческой совести всегда были для нее загадкой – не в последнюю очередь потому, что у самой Торн совесть отсутствовала начисто. Будучи социопатом, она родилась без способности чувствовать ее угрызения – то есть могла совершить все что угодно и не чувствовать при этом себя виноватой. Это также означало, что у нее не возникало привязанности ни к одному живому существу. Будучи еще очень молодой, Александра поняла, что ее чувства отличаются от чувств нормальных людей. Да, ей были доступны базовые эмоции²¹, а вот вариативные²² – нет. Она не могла ощутить или понять любовь в любом ее проявлении, и это ее полностью устраивало.

Алекс легко могла погрузить какого-нибудь ничего не подозревающего придурка в пучину мучений – и не испытать при этом даже намека на эмпатию. Этот недостаток ни в коем случае не усложнял ей жизнь, но ее всегда влекли к себе люди, поступавшие по совести. Она отобрала несколько человек для участия в своем эксперименте – по счастью для них, все они пребывали в блаженном неведении по этому поводу.

Руфь Уиллис была ее первым кандидатом. В возрасте девятнадцати лет ее жестоко изнасиловали, а в сферу интересов Алекс она попала несколькими годами позже, после того как попыталась убить себя, узнав о том, что ее насильник вышел на свободу.

²⁰ Назначается королевой Великобритании. Имеет право выступать в Высоком суде Лондона.

²¹ Всего их семь: радость (довольство), удивление, печаль (грусть), гнев (злость), отвращение, презрение, страх.

²² Внешнее проявление этих эмоций обусловлено культурно и личностно и нередко носит конвенциональный (договорной) или сугубо индивидуальный характер.

Много месяцев Александра работала с ней, манипулируя ее эмоциями, пока, наконец, не заставила ее пройти упражнение на визуализацию, которое Руфь выполнила с точностью до запятой и убила своего обидчика.

Отлично, это было именно то, что ждала от нее Алекс. Она ничуть не сомневалась, что Уиллис поступит именно так. Ее больше интересовало, как Руфь будет чувствовать себя после убийства, но эта глупая сука все еще испытывала чувство вины. После всех ужасов пережитого нападения, после того, как насильник навсегда изменил ее жизнь, она все еще чувствовала вину за то, что лишила его жизни.

Сложность человеческих эмоций всегда была для доктора Торн источником замешательства, но в то же время и развлечения.

Для Руфи у нее уже был готов новый план.

– А что, если Руфь Уиллис не даст показаний против меня? – поинтересовалась Александра.

Дональд вздохнул, подумав о других проблемах.

– Даже если мисс Уиллис упадет, у нас остаются показания детектива-инспектора.

– Маловероятно, – пробормотала женщина.

– Простите?..

– Да так, ничего.

С самого начала Алекс знала, что даже лучшая в стране команда юристов не сможет отмазать ее от обвинения в планировании убийства. Даже команде О. Джея²³ пришлось бы нелегко, и именно поэтому сама Торн заранее предприняла меры предосторожности. То, что она сама подготовила собственный план, теперь выглядело абсолютно правильным. Ее адвокаты сдались.

Она встала, поблагодарила Баррингтона и вышла из комнаты.

Если все пойдет так, как она на это рассчитывает, то Руфь больше не будет представлять проблемы, а инспектор превратится в нечленораздельно бормочущую развалину, место которой в Грантли²⁴, рядом с ее мамашей. Но перед этим Алекс не откажет себе в маленьком развлечении за счет этой сотрудницы полиции.

Когда они встретились впервые, Александра была заинтригована тем мраком, который переполнял инспектора. Это был такой мрак, который ей хотелось исследовать и выставить напоказ.

И она это сделала.

Она уже однажды довела детектива Кимберли Стоун до самого края вменяемости – и была уверена, что сможет сделать это еще раз.

Ведь на этот раз Алекс уже знала, на какие кнопки и как сильно надо давить. И на этот раз привлекательность этой женщины не отвлечет ее от дела.

Больше ошибок не будет.

²³ Имеется в виду О. Джей Симпсон – американский актер и один из самых видных игроков в истории американского футбола. Получил скандальную известность после того, как был обвинен в убийстве собственной жены и ее молодого любовника (1994). Был оправдан судом присяжных, несмотря на очевидные доказательства его вины. Адвокатов Симпсона за уровень квалификации прозвали «сказочной упряжкой».

²⁴ Психиатрическая клиника, в которой содержится мать Ким. См. роман А. Марсонс «Немой крик».

Глава 11

Дом с большими окнами по обеим сторонам от входа прятался за рядом высоких деревьев, которые отсекали его от шума транспорта на Мюклов-Хилл и на дороге, ведущей из Хэйлсовена в Куинтон.

Белая гравийная дорожка переходила в подъездную аллею, выложенную красным кирпичом. Ни единое масляное пятно не нарушало совершенства этой аллеи. По бокам от тяжелой входной дубовой двери висели абсолютно одинаковые корзины с цветами.

На первом месте в гараже, рассчитанном на три машины, располагался белый «Рейнджровер», а рядом с ним стояла зеленая спортивная машина. Красная «Воксхолл Корса», которая, судя по повреждениям на кузове, побывала не в одной аварии, стояла снаружи, доступная всем стихиям.

– Эта старая кляча что, пытается спрятаться? – поинтересовался Брайант, паркуя рядом с ней свой универсал «Астра».

– Это не хозяйская машина, – уверенно заявила Ким. Здесь даже брошенный автомобиль не мог иметь столько повреждений.

– Ну и что ты думаешь? – спросил ее коллега.

Это была их игра, в которую они играли, посещая дома состоятельных семей.

– От миллиона с четвертью до полутора миллионов, – ответила инспектор.

Сержант согласно кивнул, а потом постучал, подняв и дважды опустив голову льва на входной двери.

Ее практически мгновенно открыла невысокая пухлая женщина лет сорока пяти. Волосы этой дамы напоминали шлем из кудряшек, которые начали сесть на висках. На ее бледном лице выделялись красные круги вокруг глаз.

Ким протянула свое удостоверение, а Брайант начал официальное вступление. Дверь широко открылась еще до того, как он успел закончить.

Величина холла подчеркивалась крупными каменными изразцами, выкрашенными в хорошо сочетающиеся бежевые и кремовые цвета.

Увидев перед собой столько дверей, Стоун остановилась, ожидая указаний.

– Они в гостиной, – сказала женщина, показывая в конец помещения.

– А вы?.. – спросил сержант, глядя сверху вниз на ее лицо, находившееся на добрый фут ниже, чем его собственное.

– Анна, приходящая домработница.

Ким направилась к указанной двери, а сама Анна исчезла где-то в задних комнатах. Было очевидно, что эта женщина старается ступать как можно тише, чтобы не нарушать печальную тишину дома.

В комнате, полутемной из-за опущенных штор, находились три человека.

– Мистер Брайтман? – произнесла инспектор, делая шаг вперед.

Мужчина кивнул и сделал попытку встать, но Ким жестом показала ему, что он может сидеть.

Выглядел он так, будто мог свалиться на пол в любой момент. Его лицо все еще было белым как бумага. Стоун могла представить себе, что краски сошли с этого лица в тот момент, когда он узнал новости, да так и не возвратились.

Инспектор заняла место напротив него и только после этого осмотрелась.

Рядом с мужчиной сидела женщина, так похожая на убитую, что Ким с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

– Я – Сильвия, сестра Дианы, – пояснила эта женщина, заметив реакцию инспектора.

– Простите, но схожесть...

– Всё в порядке, офицер, – успокоила Сильвия гостью с полуулыбкой. – Так было всегда. Диана моложе меня всего на один год.

Ким не могла не вспомнить лицо мертвой женщины в машине – ее омертвевшие мускулы, обвисшую кожу, остекленевшие глаза и опущенный рот. В сидящей напротив нее копии убитой была видна живость, которая навеки покинула ее сестру.

Волосы Сильвии были на пару оттенков темнее каштановых локонов Дианы, а нос – чуть шире.

– Моя дочь, Ребекка, – представила она сидящую рядом девушку. Это имя было единственным, чего не хватало, чтобы закончить картину. Было очевидно, что сестра Дианы передала свою красоту дочери. Длинные черные блестящие волосы свободно лежали по плечам девушки, а зеленый цвет ее глаз был подчеркнут черной обводкой.

Услышав свое имя, Ребекка приподняла голову, натянуто улыбнулась и вновь наклонилась к своему телефону. Если она и плакала, то до того, как нанесла грим на лицо.

– Мы сожалеем о вашей потере, мистер Брайтман... – начала Ким.

Мужчина поднял голову, подтверждая, что слышит слова, которые для него ничего не значили. Он сидел в центре софы, наклонившись вперед. На нем была мятая белая рубашка и черные брюки. Скорее всего, он так и не ложился в кровать и не переодевался со вчерашнего дня.

– Я понимаю, как вам тяжело, но мы должны задать вам несколько вопросов, – продолжила инспектор.

– Конечно, – прошептал в ответ Митчелл Брайтман.

– Вас уже проинформировали об обстоятельствах?

– Это была попытка завладеть машиной, не так ли? – прервала инспектора Сильвия.

– Нет, не так. – Ким нахмурилась и покачала головой.

И муж Дианы, и его племянница с удивлением уставились на нее, но она смотрела только на лицо мужчины. Его густые темные брови опустились.

– Так это было не...

– Нет. Это не было случайным актом насилия, мистер Брайтман. Более того, мы полагаем, что ваша жена знала нападавшего.

Сильвия в ужасе открыла рот и придвинулась на дюйм ближе к зятю. Ребекка с трудом сглотнула и медленно вернулась к своему телефону, хотя краем глаза Ким видела, что она не нажимает никаких кнопок.

– Вы можете назвать кого-то, у кого были нелады с вашей женой, мистер Брайтман? – продолжила инспектор.

Было видно, как в ее собеседнике борются ужас и смятение.

– Минуточку, офицер. – Сильвия вздернула подбородок. – Диана...

В комнату вошла Анна, и она замолчала.

– Э-э-э... мы здесь обсуждаем семейные дела, Анна, – сказала Сильвия, кивая на дверь.

– Могу я предложить напитки – кофе, чай? – Домработница не обратила на нее никакого внимания.

Все находившиеся в комнате отрицательно покачали головами, а Митчелл бросил на Сильвию осуждающий взгляд за ее грубость. Анна вышла из комнаты.

– Мистер Брайтман, – Стоун смотрела только на него, – мне необходимо, чтобы вы сосредоточились. Подумайте, что могло бы нам помочь. Важна любая мелочь.

– Если честно, мне ничего не приходит в голову, – отозвался Митчелл. – Диана не любила скандалов. Она и мухи...

– А как насчет этого скандала на работе? – спросила Ребекка, взглянув на своего дядю.

При этих словах девушки Ким заметила признаки раздражения на лице мужчины. Он даже не взглянул на племянницу.

А Стоун взглянула.

– Что за скандал? – поинтересовался Брайант.

– Ну с той девочкой, которая умерла в том жилом массиве, – пояснила девушка, сдвинув свои идеально выщипанные брови.

– В Холлитри? – подсказала Ким.

Ребекка согласно кивнула.

Инспектор перевела взгляд на Митчелла Брайтмана.

– Она что, была замешана в этом скандале?

Стоун читала об этом в газетах. Труд Парсонс, трехлетняя девочка, основную часть своей жизни находилась в списках Службы защиты детей. У ее матери были проблемы с алкоголем, но она каждый раз устраивала скандалы, когда Труд хотели у нее забрать. К сожалению, у нее был бойфренд, который не терпел детского плача. В приступе ярости, пока Ширли Парсонс ходила за выпивкой, он нанес малышке такой сильный удар по голове, что та никогда уже больше не пришла в себя.

Суд состоялся неделю назад и вызвал волну обвинений в том, что службы социальной опеки полностью несут ответственность за происшедшее.

– Диана не занималась этой семьей непосредственно, – кивнул Брайтман, – но она отвечала за деятельность всего отдела.

– Но вы же не думаете, что кто-то мог обвинять Диану в том, что сделал этот мерзавец? – покачала головой Сильвия.

Ким пожала плечами. Об этом стоило подумать. Насколько глубоко убитая занималась этим делом? Узнала бы она кого-то из членов этой семьи? Позволила бы сесть к себе в машину?

– Мистер Брайтман, а вы не можете объяснить, почему Диана вчера была не дома в столь поздний час? – спросила инспектор.

И вновь в разговор встряла сестра погибшей:

– Она...

– Сильвия, я прошу тебя... – остановил ее зять и повернулся к Ким. – Вчера вечером Диана с коллегами была в итальянском ресторане. Это было празднование дня рождения, организованное для одной из работниц в качестве сюрприза. Около шести жена позвонила и сказала, что у нее нет настроения идти туда. А я сказал, что там она развеется.

Стоун послышалась ирония в его голосе.

– А почему? – спросила детектив. – Почему вы сказали, что там она развеется?

Мужчина на какое-то время задумался.

– Право, не знаю. Это просто такая фигура речи, нет? После суда она была немного не в себе... – Митчелл покачал головой. – Бедная малышка! А вот когда они спасают кого-то, то все обходится без фанфар.

Ким все это было хорошо знакомо. В полиции так же. Людей интересуют только те преступники, которым удалось скрыться.

– Во сколько она должна была вернуться? – спросила Стоун.

– В одиннадцать, в половину двенадцатого, – ответил Брайтман.

Инспектор не была уверена, что сможет узнать еще что-то от мужа Дианы, пока в комнате находится Сильвия. Казалось, что женщина считала своим долгом отвечать за него на все вопросы.

– Мой коллега задаст вам еще несколько вопросов, – сказала Стоун, вставая, – а я пока поищу себе стакан воды. Не возражаете?

Тут она сделала знак Брайтону. Он сам знал, что надо спрашивать.

Ким вышла из комнаты и направилась туда же, куда скрылась Анна после того, как пустила их в дом. Она прошла мимо входа в сауну, который был с левой стороны, и чулана с правой и, наконец, оказалась в просторной кухне.

Белые шкафы выглядели стерильными. Ультрасовременная кухня, казалось, не подходила к теплой атмосфере остального дома. Стоун видела, как все окружающие предметы отражаются в дверях шкафов. Над плитой, расположенной в самом центре помещения, вращался вытяжной вентилятор.

Когда Ким вошла в помещение, домработница стояла спиной к ней. Не шевелясь, она смотрела в окно.

Инспектор кашлянула.

Анна повернулась и вытерла слезу со щеки.

– Простите, – быстро сказала она. – Вам что-то надо?

– Просто стакан воды. – Ким сделала шаг вперед.

Домработница протянула руку к одному из навесных шкафов и достала стакан. Наполнив его отфильтрованной водой, она протянула его детективу.

– Спасибо, – поблагодарила Ким и заглянула ей за спину.

Раковина была полна мыльной пены. Чистая посуда сушилась на сушилке из нержавеющей стали.

– А разве это не посудомоечная машина? – уточнила Стоун, взглянув налево.

– Никогда ей не пользуюсь, – кивнула Анна. – Все равно сначала надо очистить посуду от остатков еды, и потом, я никогда не видела машину, которая могла бы соперничать с усердным ручным мытьем.

Ким была вынуждена согласиться с ней. У нее тоже была такая машина, которой она не пользовалась именно по этой причине.

– Так вы, значит, работаете в этой семье уже...

– Почти год.

– Приходите каждый день?

– Нет, три раза в неделю, – покачала головой домработница.

– Кажется, мистер Брайтман – приятный мужчина.

– Именно так.

– А у них есть дети? – спросила Ким, поняв вдруг, что на всех фотографиях хозяева были только вдвоем.

– Она была бы прекрасной матерью, – покачала головой Анна. – И была прекрасной теткой для Ребекки.

Это удивило инспектора. По Ребекке нельзя было сказать, что она убита горем.

– И много времени они проводили вместе? – поинтересовалась Стоун.

Неожиданно Анна повернулась к ней лицом.

– Послушайте, инспектор, если вам необходимо задать мне вопросы, то задавайте.

Услышав такое прямолинейное высказывание, Ким улыбнулась. Отлично, она любит, когда играют открытыми картами!

– Как они жили? – задала она следующий вопрос.

– Очень хорошо, – не задумываясь, ответила Анна. – Теперь я могу сказать, что они очень любили друг друга.

– И никаких проблем?

– Я бы так не сказала. У всех семей бывают свои хорошие и плохие времена, но мне кажется, что им с честью удавалось выйти из всех передряг.

– А как насчет Сильвии?

– А что насчет нее? – уточнила Анна.

– Какие у них были отношения?

– Сложные.

– Продолжайте, – попросила Ким.

– Это довольно странно, потому что сестры были очень близки. – Казалось, что домработница чувствует себя не в своей тарелке. – Они остались вдвоем после того, как потеряли родителей в юном возрасте. И больше у них никого не было. Тем не менее между ними присутствовало какое-то странное соперничество. Ни одна не хотела, чтобы другая взяла верх. Однако когда муж Сильвии умер, Диана практически переехала в дом сестры. Занималась похоронами и всем остальным. И сильно расстроилась, когда Митчелл спросил ее, когда она собирается вернуться домой.

Ким запомнила эту информацию.

– А Ребекка? – спросила она.

– Насколько я могу судить, Ребекка – не такой уж плохой ребенок. Здесь она появляется не очень часто и старается помалкивать в присутствии матери. Вы, наверное, заметили, что Сильвия контролирует любой разговор.

– Старается контролировать, – поправила инспектор.

Рот домработницы слегка скривился.

– Ну что ж, Анна, спасибо вам, – сказала Стоун. – Вы нам очень помогли, и если б я могла получить...

– Вот мой точный адрес. И телефон. – Анна протянула ей листок бумаги. – И чтобы вы знали – я была на шоу Салли Морган²⁵ в «Вулверхэмптон Гранд». Это чтобы вы не тратили время зря.

Детектив взяла листок и убрала его в карман.

– Люблю деловых людей, – улыбнулась она. – А ведь я вас даже не спрашивала.

– Я смотрю телевизор, офицер, – ответила домработница.

Стоун хотела было объяснить ей, что реальная работа полицейских не имеет никакого отношения к телевизионным шоу, но передумала. Подобные откровения всегда влекут за собой разочарование.

Однако эта встреча была полезной, подумала Ким. Анна много знала о семье и о нюансах отношений между ее членами, что ее совсем не удивило. Именно поэтому детектив и решила побеседовать с этой женщиной.

Очень часто жители больших домов перестают замечать своих слуг, так что те многое узнают о своих хозяевах. Только хорошие слуги не сплетничают.

– И еще, инспектор. Если вам еще что-то понадобится – только скажите, – добавила Анна. – Я готова рассказать все, только бы помочь поймать этого негодяя. Диана была очаровательной женщиной. Она совсем не заслужила такую смерть.

Стоун кивнула и запомнила это предложение о помощи. У нее было впечатление, что она ей еще понадобится, принимая во внимание странные отношения между членами этой семьи.

²⁵ Салли Морган – британская актриса и телезвезда, утверждающая, что обладает способностями медиума.

Глава 12

– И каково твое впечатление? – спросила Ким у Брайанта, когда они покинули дом.
– Сказать по правде – немного странное, – ответил сержант.
– А где они были вчера вечером?
– Муж – дома, засиделся допоздна за работой. Он сейчас готовит обвинение парню из Холлитри по поводу вооруженного ограбления бензоколонки в Пенснетте. А главный свидетель пока только «почти уверен», что это сделал именно этот парень.

– Так он что, государственный обвинитель?

– Вот именно. И дом куплен не на его зарплату.

Диана тоже была государственной служащей, отметила про себя Ким.

– А где были Сильвия и ее дочь?

– Дома. Сильвия смотрела телевизор, а Ребекка была у себя в комнате.

– М-м-м-м...

– Теперь все происходит именно так, командир. Радуетесь, когда слышите от собственных детей какое-то ворчание за обеденным столом. А если настаиваешь на том, чтобы не пользовались телефоном, то обида такая, как будто разместил их младенческие фото в «Фейсбуке».

Ким взглянула на сержанта. Что-то он разговорился...

– Просто к слову пришлось, – улыбнулся ее коллега.

Дочь Брайанта, Лаура, была с удобствами устроена в Университете Лоуборо и изучала несколько «-логий», название которых Стоун никак не могла запомнить. Она была хорошей девочкой.

– А как насчет домработницы? – спросил сержант.

– Шоу Салли Морган в Вулверхэмптоне.

– Женушка хотела на него пойти, но все билеты были распроданы, – кивнул Брайант. – То есть я так ей сказал. – Он ухмыльнулся.

– Ты шутишь?

– Еженедельный танцкласс – это все, что она от меня получит, – покачал головой сержант.

– Ничего себе, – заметила инспектор.

– Ты что, удивлена, что я сказал ей эту невинную ложь?

– Нет. Меня гораздо больше удивляет, что ты даешь мне в руки столько фактов, которые я могу обернуть против тебя.

– А ты права, – согласился сержант, подумав. – Куда теперь?

– Я сейчас позвоню и узнаю, как там дела с посетителями китайской забегаловки и паба. А ты пока двигайся в сторону офиса Дианы в Дадли.

Ким достала свой телефон и вдруг замерла.

– Брайант...

– Слушаю, командир.

Инспектор еще какое-то время смотрела на экран телефона, а потом потрясла головой.

– Не важно...

В какой-то момент Стоун решила рассказать коллеге о письме, которое получила от Алекса, но затем передумала. Рассказать ему обо всем – значит придать этому письму гораздо больше значения, чем оно того заслуживает.

Ким выбросила письмо из головы и задумалась о работе и о Диане. И о том, что могло произойти в итальянском ресторане вчера вечером.

Глава 13

Алекс наблюдала за вечеринкой молодняка. Мелани Джексон откидывалась после двух с половиной лет, проведенных за решеткой за торговлю героином, и Алисе Троманс позволили приготовить по этому случаю праздничное желе. Той самой Алисе, отсидевшей лишь четыре года из десяти, к которым ее приговорили за ряд вооруженных ограблений.

Просто чертовски потрясающе!

В отличие от этих жалких существ, Алекс вовсе не собиралась провести весь свой срок в этой чертовой дыре. За хорошее поведение ее двенадцатилетний срок сократят до семи-восьми лет. Но и этого не произойдет, размышляла она, глядя на женщину, которая была неотъемлемой частью следующего этапа ее плана.

Охранники согласились, что кухня в бараке была слишком маленькой, и позволили им перенести вечеринку в блок для свиданий. На стенах с зарешеченными окнами не было никаких поздравительных транспарантов, с забранного металлическими полосами потолка не свисало никаких надувных шаров, а на намертво закрепленных круглых металлических столах, расставленных по комнате, не было никакой праздничной еды.

Несмотря на то что вечеринка была устроена в честь Мелани, на время вручения жалких подарков ее центром стала Таня Нил. Мелани получила пакет конфет «Харибо»²⁶, ненювую заколку для волос и книжку с кроссвордами.

Как будто кожей почувствовав внимание к себе, Таня повернулась и посмотрела Алекс прямо в глаза. Та смело ответила на ее взгляд. Она ничего не боялась в этих стенах.

– Ты чего глаза вылупила, сука? – произнесла Нил нараспев.

Все головы в комнате повернулись в сторону Александры. Она улыбнулась.

Таня посмотрела на свою группу поддержки, встала и с угрожающим видом двинулась в сторону доктора Торн. Несмотря на свой небольшой рост, Нил состояла из одних мускулов и внушала страх всем находящимся в комнате.

Алекс осталась стоять, прислонившись к торговому автомату и небрежно скрестив руки на груди. Таня остановилась в футах от нее. Доктор возвышалась над ней на добрых десять дюймов.

– Я спросила, ты куда пялишься, сука? – повторила Нил.

Александра пожала плечами и промолчала, глядя на сальные светлые волосы этой женщины. Тонкий шрам начинался от угла ее правого глаза, шел по щеке и заканчивался возле рта.

Ее пальцы, до самых разбитых суставов, были украшены самодельными татуировками, нарисованными простой шариковой ручкой. На пальцах правой руки было написано «прочь», а на левой – «суки!» с восклицательным знаком на мизинце. Наверное, пунктуация здесь – это самое главное, размышляла Алекс.

Таня ласкающим жестом провела по одной из своих грудей.

– Тебе этого хочется, да, сука?

Доктор никак не могла понять, почему эта тридцатипятилетняя женщина переходит на гангстерский жаргон всякий раз, когда открывает рот. Она чуть не рассмеялась, но сдержала себя. Сейчас не время. Вся комната замерла в ожидании возможной развязки этой драмы. Алекс почувствовала напряжение, когда женщины задвигались на своих стульях, надеясь стать свидетелями драки. Она продлится всего несколько минут, но обсуждать ее будут много дней.

²⁶ Жевательные конфеты, которые производит немецкая компания, основанная в 1920 г.

Все звуки стихли. Надзирательница наблюдала за происходящим из угла комнаты. О любой стычке между ними двумя будет немедленно доложено офицерам-воспитателям. А такое развитие их отношений не входило в планы Александры.

– Может быть, позже, сладкая моя, – ответила Торн. – Поживем – увидим.

Оторвавшись от торгового автомата, она обошла воинственную женщину.

Благодарение Богу, Таня решила не быковать и вернулась к празднику. Сев за стол, она что-то сказала, и вся группа захохотала. Разговоры возобновились по всей комнате. Теперь им придется поискать новую тему для обсуждения.

Краем глаза доктор увидела, что эта стычка не ускользнула от внимания Наталии Козловой. Алекс повернулась к ней лицом. Эта женщина отдала бы все на свете, чтобы посмотреть, как Александру превращают в кровавое месиво. Но не сегодня, Наталия, говорил взгляд Алекса. С ненавистью взглянув на нее, Козлова отвернулась.

Кэсси, соседка Алекс по камере, поставила на стол два бумажных стаканчика с кофе.

– Все еще не могу поверить, что она убила трех мужиков, – сказала она, поглядывая на Таню.

Торн кивнула и сделала глоток кофе. Нил вполне могла это сделать, и доктор знала почему. Частный детектив, которого порекомендовал ей адвокат, собрал досье на всех заключенных в ее бараке. Она знала, кто и за что сидит, каково их семейное положение и как они вели себя с момента попадания в тюрьму.

Ни один человек здесь не мог противостоять Алексу. Кэсси она раскусила за одну минуту и обращалась с ней соответственно.

Эта женщина воспринималась как интроверт, склонный к соглашательству. Типичная личность типа Б²⁷, которая проживает свою жизнь с очень низким уровнем стресса. Предпочитает неторопливую работу, достаточно креативна и склонна к размышлениям.

Понять Кэсси было совсем не сложно: каждый вечер она плакала над фото своих двух дочек, и каждый месяц ее мать приносила ей альбом для рисования и журнал по искусству.

Когда Алекс предложила соседке по камере дружбу, между ними мгновенно установилась прочная связь. Манипуляторы прекрасно знают слабости своих жертв. Основной слабостью Кэсси была излишняя сентиментальность, которая привела ее к одиночеству. Все в ней кричало о том, что ей нужен особенный друг.

Чтобы завоевать ее доверие, Торн стала использовать технику под названием «отзеркаливание». Все начинается с повторения манер собеседника: потирания носа, скрещивания ног... Таким образом объекту сообщается на подсознательном уровне о том, что вы с ним одинаковы, что, в свою очередь, вызывает его доверие.

После этого Алекс поболтала с Кэсси, чтобы понять ее тип личности. Этот метод обычно используют маркетологи, чтобы определить, что именно мотивирует клиента. Кэсси мгновенно оказалась в «желтой» категории, что говорило о том, что ее основным мотиватором является жалость. К зеленой категории относились люди, которым были важны детали, к синей – люди, предпочитающие уже знакомую продукцию, а красная категория объединяла людей, готовых экспериментировать.

Александра часами слушала рассказы соседки о ее девочках и о том, как они прекрасно жили вместе. Она ни разу не напомнила Кэсси, что та находится в тюрьме.

Постепенно доктор стала узнавать о других заключенных такие подробности, которые ей не мог сообщить ее источник за стенами тюрьмы. Но все это происходило очень медленно. Да и Кэсси иногда охватывало чувство вины за то, что она слишком много рассказывает.

Тогда Алекс стала все меньше внимания уделять их дружбе – и Кэсси почувствовала себя растерянной и обделенной. «Положительное подкрепление через нефиксированные

²⁷ Расслабленные, неторопливые, безэмоциональные люди.

интервалы»²⁸ привело к неопределенности, которая на подсознательном уровне потребовала позитивного одобрения – и в результате Кэсси стала охотиться за своей соседкой, добиваясь от нее одобрительной реакции.

И она ее получила.

А после этого рассказала ей абсолютно все.

Многие вещи, которые услышала от нее Торн, помогли ей отточить свои подходы, и Таня Нил не была в этом смысле исключением. Алекс точно знала, что она любит, чего не любит и, что гораздо важнее, знала, что является для нее главным в жизни.

Кэсси все еще не отрывала глаз от этой женщины.

– Знаешь, я здесь уже двадцать семь месяцев – и ни разу с ней не говорила. Я ее слишком боюсь.

Еще бы, подумала Александра. Кэсси была заблудшей овцой, которая просто сделала неправильный выбор и под села на мет²⁹. Теперь же она могла служить тем образцом, на примере которого можно было демонстрировать успехи Системы. Время в тюрьме Кэсси тратила на то, чтобы избавиться от зависимости, и вступала в каждый клуб и каждую группу, в какие только могла. Слушания по поводу ее УДО³⁰ были назначены через неделю.

Глядя на эту глупую вечеринку, Кэсси изнывала от нетерпения.

– Не могу дождаться, когда окажусь на ее месте. Еще несколько дней – и я уже буду с ними...

М-м-м-м, а может быть, и нет, подумала Алекс, согласно кивая. К несчастью для Кэсси, та тоже была неотъемлемой частью следующего этапа глобального плана ее соседки. Правда, глупышка об этом и не догадывалась...

Мелани Джексон сидела в камере с Таней Нил и скоро должна была покинуть тюрьму. А это значило, что Таня, которую боятся все остальные заключенные, останется в камере одна.

Алекс сжала в кармане несколько пакетиков с солью. Пришло время начинать игру.

²⁸ Один из способов дрессировки животных.

²⁹ Метамфетамин (первитин, «винт») – производное амфетамина, «тяжелый» наркотик.

³⁰ Условно-досрочное освобождение.

Глава 14

Брайант вошел вслед за Ким в помещение Службы защиты детей на Сент-Джеймс-роуд в Дадли.

Здесь они окунулись в атмосферу мрачного шока.

Офис имел открытую планировку, в которой столы были отделены друг от друга перегородками высотой по грудь, использовавшимися снаружи как стены, а изнутри – как доски для объявлений.

Несколько голов повернулось в их сторону, пока они шли к кабинету с прозрачными стенами, расположенному в верхнем левом углу помещения. Проходя, Стоун услышала несколько всхлипываний.

На стене возле кабинета все еще висела табличка с именем и должностью Дианы Брайтман.

Полицейских приветствовала женщина лет тридцати пяти с короткими рыжими волосами.

– Лорна Фишер, личный помощник Дианы, – представилась она, протягивая Ким руку. Инспектор пожала ее и назвала себя и Брайанта.

Лорна посмотрела вниз, на стол.

– Меня попросили прибраться здесь, – сказала она, качая головой. – Но я просто... – Она постаралась сморгнуть навернувшиеся слезы. – Простите, офицер, я все еще пытаюсь понять, что же произошло. – Женщина кивнула на офис. – То есть мы все пытаемся.

Ким хорошо ее понимала. Смерть коллеги – это не те новости, о которых ожидаешь услышать, являясь на работу. Об изменении сроков, увеличении нагрузки, незапланированных встречах – да. Об убийстве начальницы – маловероятно.

– Мне даже быть здесь не хочется, – честно призналась Фишер.

На мгновение Ким задумалась о том, что она имеет в виду: работу вообще или этот кабинет убитого менеджера, полный принадлежавших ей вещей. Инспектор рассмотрела фотографию Дианы и Митчелла в рамке – они были одеты для какого-то официального мероприятия. Здесь же лежал мячик для борьбы со стрессом, такой же, как у Вуди, только на этом был смайлик. Рядом – квадратный бювар с изображениями Шрека и Осли, а слева от него – коврик для мыши, украшенный изображением суриката.

– Попозже сегодня сюда придет временно исполняющий обязанности, – пояснила Фишер.

– А вы не можете занять ее место? – спросила инспектор. Будучи помощницей Дианы, эта женщина, скорее всего, знала о ее работе больше, чем кто-либо.

– Это не для меня, инспектор, – покачала головой Лорна. – Есть люди, которые рождены для того, чтобы принимать непопулярные решения, а есть люди, рожденные для того, чтобы поддерживать людей, принимающих непопулярные решения. Диана относилась к первым, а я, совершенно точно, – ко вторым.

– Я вас услышал, – пробормотал Брайант.

– И это она принимала все решения, касающиеся дела Труди Парсонс? – мягко уточнила детектив.

– Поверьте мне, нам всем все еще снятся кошмары об этой крошке. – Фишер сглотнула и пожала плечами. – И не важно, кто конкретно ею занимался. Здесь весь отдел потерпел неудачу, – честно призналась она.

Эта женщина сразу понравилась Ким. Инспектор вообще любила людей, которые не пытались уйти от ответственности или перевести стрелки на других. И именно согласно этой логике Стоун не любила, когда за подобные трагедии распинали одного человека. Она

лучше других понимала, как дети могут избежать внимания надзирающих органов. Ее собственная мать, будучи психически ненормальной, была королевой уверток и запутывания следов, когда дело касалось запудривания мозгов измученному социальному работнику.

– А насколько Диана была связана с этим напрямую? – спросила детектив.

– Минимально. Конечно, у нас проводятся собрания, на которых мы разбираем отдельные случаи, но Диана все взяла на себя, когда дело попало в прессу. Она не стала уходить от ответственности и пытаться обвинить кого-то, или... – Помощница Брайтман замолчала, переводя взгляд с Ким на сержанта и обратно. – Подождите минутку. Вы же не считаете, что смерть Дианы связана с этим случаем?

Стоун заметила, как вторая буква «с» застряла у Лорны в горле.

– Мы обязаны рассмотреть все возможные варианты, – пожала плечами инспектор. – На вашего босса злились тогда многие люди.

– Наверное, – задумчиво произнесла Фишер. – Правда, мы все здесь решили, что это была попытка завладеть машиной.

Такое впечатление, что весь мир вчера прислушивался к словам Баллока, стажера Китса, подумала Ким. Каждый человек считает, что преступление связано именно с машиной Дианы.

– Это еще одна версия, которую мы будем изучать, – подтвердила инспектор. – Расскажите мне о Диане.

Человек на работе иногда сильно отличается от человека в домашней обстановке, а Стоун всегда предпочитала иметь перед собой законченный образ.

Лорна улыбнулась, и на глазах у нее вновь появились слезы. На этот раз она не стала их прятать.

– Может быть, вы слышали это уже много раз, но она была прекрасным человеком. Она ожидала от своих сотрудников абсолютной отдачи, но быстро замечала, когда человек полностью изматывал себя. Конечно, все мы – люди тренированные. И стресс, связанный с работой, – неотъемлемая часть выбранной нами карьеры, но ей не нужны были никакие тренинги, чтобы определить, когда человек дошел до точки. Она просто всегда была начеку. Умела находить способы помочь или поддержать команду, будь то чашка кофе вне стен офиса, вечер, проведенный всеми нами вместе, или новый почин, касающийся соотношения «работа – жизнь». Это не обязательно были методы, перечисленные в учебнике «Как управлять командой», но Диана хорошо понимала людей и умела работать с каждым в отдельности. Думаю, можно сказать, что она не относилась к сотрудникам как к функционирующим единицам, как это делают многие.

Теперь Ким начинала лучше понимать убитую. И чем больше говорила Лорна, тем меньше оставалось мотивов для убийства Дианы.

– Вот, например, она так и не отказалась от своего старого телефона – на тот случай, если люди захотят с ней связаться, – добавила Фишер с улыбкой.

– Что за старый телефон? – насторожилась детектив. Смартфон Дианы лежал в машине.

– Старая-старая «Нокия», номер которой сеть уже не сообщала после того, как была модернизирована. Диана пользовалась этим телефоном много лет назад, когда еще работала с конкретными случаями, и давала его номер родителям или родственникам. Она не хотела отказываться от него. Боялась, что кому-то может понадобится помощь, а номер будет отключен. Перевела его на платный контракт и все время носила с собой.

– И ей по нему звонили? – уточнил Брайант.

– Иногда, – ответила Лорна с задумчивым видом. – Хотя пару дней назад она сказала, что где-то его потеряла. Думала, что он выпал из кармана в парикмахерской.

Дополнительный телефон был фактором, с которым надо было немедленно разобратся.

– А у вас есть этот номер? – поинтересовалась инспектор.

– К тому моменту, как я пришла сюда на работу, номер был давно убран из системы, – покачала головой помощница Дианы. – Я пользовалась только ее новым номером. А тот она больше никому не давала.

Брайант достал блокнот и что-то записал в нем.

– Вчера вечером было какое-то торжество? – продолжила Ким.

Лорна утвердительно кивнула.

– А вообще, такие совместные выходы, они часто случались?

– Может быть, раз в месяц мы находили причину выйти и перекусить всем вместе, – ответила женщина, подумав немного. – У кого-то день рождения, кто-то увольняется, кто-то начинает работать... – Фишер сухо усмехнулась.

– А какой повод был вчера?

– О, вчера был день рождения Аманды. Целых сорок лет!

– На празднике не произошло ничего необычного?

– Вы имеете в виду, с Дианой? – нахмурилась Лорна.

Ким кивнула, уверенная, что это было понятно с самого начала.

Ее собеседница медленно покачала головой.

– Абсолютно ничего, инспектор, потому что Дианы там вообще не было.

Стоун откинулась на спинку стула и посмотрела на сержанта. Она знала, что они с Брайантом думают сейчас об одном и том же.

Где же, черт побери, была Диана Брайтман?

Глава 15

– Так где же, черт побери, она была? – озвучил Брайант их общий вопрос, пока они шли к машине.

Ким не стала отвечать. Это им предстоит выяснить.

Она достала телефон и набрала номер Стейси.

– Стейс, посмотри там, может быть, сможешь узнать что-то о втором телефоне. Похоже, что для старых контактов у Дианы была «Нокия».

– Слушаюсь.

– А еще проверь Сильвию Драммонд, ее дочь Ребекку и приходящую домработницу Анну Миллз. И последнее: посмотри, не появлялись ли в прессе новые данные о деле Труди Парсонс. Правда, девочка умерла год назад, но во время суда могли всплыть новые подробности, а Диана взяла на себя основную часть ответственности.

– Понято, босс, – подтвердила Стейси.

– Что сообщает Кев?

– Пока ничего. Он обнаружил адреса пары свидетелей, которые живут совсем рядом с пабом. Сейчас Кев едет к Китсу, а после этого направится в паб. – Стейси немного помолчала и добавила: – Он здорово недоволен, босс.

Это Ким не удивило. Задача обнаружить всех, кто был в пабе и в китайской закусочной, была просто гигантской. И Доусону предстояло ее выполнить.

Не успела Стоун разъединиться, как ее телефон зазвонил снова.

– Детектив-инспектор? – услышала Ким знакомый голос.

– Китс, неужели вы звоните мне по собственной воле? – удивилась она. – Понимаю, что вы сильно без меня скучаете, но на вскрытии будет Доусон...

– Думаю, что вам тоже стоит заглянуть сюда. Покажу вам кое-что...

– Хотела бы сказать, что у меня есть дела поинтереснее, но не могу. Мы уже в пути.

Такое приглашение от Китса кое-что значило.

Ким на это сильно рассчитывала.

Глава 16

Основную часть дня Руфь Уиллис пыталась избавиться от чувства тревоги, которое разбудило ее за час до 7.30 утра, – времени, когда отпирались камеры. Тревога никак не отпускала ее вместе с болезненным желанием понять, чем она вызвана. Если б она поняла причину, то, может быть, спазм в ее желудке пропал бы.

Обычно она не обращала внимания на настроения других заключенных в Иствуд-Парк. В течение года коллективные эмоции накатывались, как волны, усиливаясь перед Рождеством, другими праздниками и днями посещений и ослабевая после того, как эти дни проходили. После них появлялось чувство облегчения – еще один «повод» пришел и ушел. Подобные эмоции напоминали невидимые течения. А долго сдерживаемые разочарования, передающиеся от узника к узнику, приводили к проблемам.

Именно сейчас среди многих заключенных ощущалось некое беспокойство – нервная энергия, исходящая от них, отражалась от стен, полов, потолков и вновь возвращалась к ним же. Но к Руфи это не относилось.

В отличие от большинства заключенных, на стене ее камеры не висел календарь, в котором она отмечала бы дни, оставшиеся до момента освобождения. И она не позволяла сожалениям о том, что сидит в тюрьме, мучить ее каждый день.

Она лишила человека жизни, и теперь должна за это заплатить.

С момента своего заключения в тюрьму Руфь старалась вести себя как можно тише. Ей предстояло отсидеть пять лет, и она хотела, чтобы они прошли безо всяких неприятностей. Из тюрьмы она выйдет за три недели до того, как ей исполнится двадцать семь лет. Уиллис с благодарностью восприняла решение суда сократить ей срок после того, как стало известно о манипуляциях Александры Торн.

И, как всегда, мысли об Алекс вызвали у нее в душе бурю эмоций. Руфь ненавидела себя за то, что оказалась пешкой в руках этой женщины. Она ненавидела себя за то, что Алекс смогла использовать ее самые темные мысли об убийстве насильника. Ненавидела себя за свою слабость и за то, что лишила человека жизни. А вот заставить себя почувствовать вину за это убийство она не могла. Ведь этот мерзавец навсегда изменил ее жизнь. А с другой стороны, у него была мать, которая его оплакивала и которая не была ни в чем виновата...

Руфь чувствовала гордость, потому что смогла выступить против абсолютного зла, которое олицетворяла доктор Торн в суде, и рассказать свою историю. Всю, до последней запятой, после чего предоставила судьям самим решать, как быть с ней...

Но ирония состояла в том, что какая-то ее часть не могла забыть ту связь, которая возникла между ними с Александрой.

Алекс обладала даром «охмурять». Ее красота и очарование, когда она направляла их на человека, были непреодолимыми и доставляли удовольствие.

Уиллис занялась изучением психологии и способов манипуляции, чтобы лучше понять свои слабости и уязвимые места. Много раз она с сомнением качала головой, читая о классических примерах разных манипуляций, которые использовала Торн, чтобы контролировать ее мозг. Свое собственное сознание представлялось Руфи в виде пустой машины, которая была оставлена на обочине с ключом в зажигании. Алекс просто повернула ключ и поехала.

Теперь Уиллис знала один из первых и самых важных тактических принципов, по которым можно определить, что манипулятор ищет жертву с целью овладеть ее мозгом на подсознательном уровне.

В мире Александры такое происходило на каждом шагу. Ведь все ее пациенты и жертвы были охвачены единственным желанием – вылечиться.

Их взаимоотношения с Торн стали напоминать неравноправный брак. Доктор окружала ее любовью и похвалами, когда Руфь вела себя правильно, и лишала ее всего, когда она не соответствовала ее ожиданиям.

Даже свои встречи с Уиллис Александра планировала таким образом, что та постоянно старалась угодить ей. Руфь не всегда соглашалась с тем, что говорила ей доктор, но послушно кивала из боязни навсегда расстаться с «милой» Алекс.

И тем не менее, даже зная всю степень испорченности этой женщины, Руфь все еще с тоской вспоминала о прошедших днях. Она чувствовала, что доктор Торн была единственным в мире человеком, который ее понимал. Вдвоем они противостояли целому миру. С Алекс она делилась гораздо более серьезными вещами, чем со своими собственными родителями.

Все это напоминало Руфи фильм «Матрица». Что плохого в полнейшем неведении, если вы при этом блаженно счастливы? И что с того, если то, что я сейчас ем, – не стейк? Мне все равно это нравится. Уиллис мысленно возблагодарила Бога за то, что Алекс сейчас в Дрейк-Холл, а не здесь, в Иствуд-Парк.

– Руфочка! – послышался голос за дверью.

Сначала Руфь удивилась, а потом искренне обрадовалась, когда увидела, что в ее комнату, смущаясь, вошла Елениа с книгой в руках.

Она была на два года моложе Уиллис, родилась в крохотном городке на Украине и была приговорена к трем годам за соучастие в вооруженном ограблении, совершенном шестью членами ее семьи. Так же, как и сама Руфь, Елениа мечтала о том, чтобы отсидеть свой срок без лишних проблем. Две недели назад она призналась, что не умеет ни читать, ни писать, и Уиллис согласилась учить ее. Елениа схватывала английский язык на лету, и, честно говоря, ее учительница получала удовольствие от процесса обучения.

– Входи, – пригласила ее Руфь, двигаясь на кровати.

Они уселись на ней вдвоем, облокотившись спинами о стену.

– Я один закончила первую главу, – сообщила Елениа.

– Сама закончила, – поправила Руфь.

– Да, я так говорить, – нахмурившись, сказала девушка.

Уиллис жестом велела ей открыть книгу.

Это было именно то, что надо, чтобы избавить ее от неприятного чувства.

Глава 17

Ким всегда спокойно относилась к посещениям морга. Там ее ничего не пугало.

Вокруг себя она видела лишь простоту холодного металла. Естественно, инспектор понимала, для чего предназначено данное учреждение, но считала, что и она, и патологоанатом делают одно дело. Оба они пытались получить ответы от Дианы Брайтман. Китс разбирал на части ее тело, а Стоун разбирала на части ее жизнь. И оба они искали улики.

Кевин Доусон стоял возле металлической раковины, располагавшейся в самом дальнем углу от тела, вокруг которого умело двигался Китс.

Сержант кивнул, и Ким почувствовала, что он разозлен тем, что эксперт позвонил ей, чтобы рассказать о волосе. Ведь ответственным детективом на вскрытии был назначен именно Кевин. И действительно, в такой ситуации инспектор разозлилась бы еще больше.

Ей было ясно, что Доусон жаждет взять на себя ответственность, провести свое собственное расследование. А понимала она это потому, что сама чувствовала тот же самый энтузиазм, когда пыталась доказать окружающим свою профпригодность. Правда, Стоун доверяла своему командиру, который сам должен был решить, что время для нее пришло.

Ей еще предстояло выяснить, доверяет ли ей Доусон до такой же степени.

– А где моя уменьшенная копия? – поинтересовалась Ким, оглядывая помещение, в котором невозможно было спрятаться.

– Отправилась за кофе, – признался Китс.

– В буфет? – уточнил Брайант.

– Нет, сержант, дальше. Гораздо дальше.

– Слегка достал? – посочувствовал Брайант.

– Он очень умный, очень любопытный и очень болтливый. А мне не нужно, чтобы кто-то заполнял разговорами тишину вокруг.

– Я вас услышала, Китс, – сказала инспектор. – Некоторым из нас лучше работается в одиночестве.

– Аминь, – встрял в разговор Брайант.

Ким улыбнулась, но проигнорировала его.

– Так что у вас здесь? – спросила она медика.

– Содержимое желудка отправлено на токсикологию. Его было не очень много, так что она давно не ела.

Стоун знала, что весь процесс переваривания пищи, пока та не превратится в жидкую массу, может занимать от двадцати двух часов до двух дней. Хотя обычно требовалась всего пара часов, чтобы пища поступила из желудка в малый кишечник.

К счастью, в данном случае содержание желудка не имело отношения к определению времени убийства – об этом у них уже имелась достаточно точная информация. Правда, Китс все равно должен был послать в лабораторию небольшие количества пищи, а также глазной жидкости для того, чтобы выяснить, какие препараты жертва могла принимать за несколько часов до смерти.

В любом случае, где бы Диана ни была прошлой ночью, главной ее целью была не еда.

– Недавняя сексуальная активность? – спросила Стоун.

– Неочевидна, – ответил Китс, подходя к подносу, стоящему в ногах каталки. – Вот что, как мне кажется, может вас заинтересовать.

Ким косо взглянула на поднос и лежащий на нем прозрачный пакетик и нахмурилась.

– Вы посмотрите повнимательнее. Он там, – добавил патологоанатом.

Детектив взяла пакетик в руки и поднесла к свету.

В нем лежал один волос.

В этот момент Доусон тоже подошел к ней и посмотрел на волос. Инспектор не знала, ожидал ли он, что она начнет успокаивать его, как расстроенного ребенка. Если да, то он знает ее гораздо хуже, чем следовало бы, подумалось ей.

– Фолликул?³¹ – с надеждой спросила Стоун Китса.

Тот кивнул.

Значит, они смогут получить ДНК. Сами волосы его не содержали, но часто использовались полицией при расследовании случаев употребления наркотиков. Волос выступал в роли такого тайного дневника, с помощью которого было выведено на чистую воду немало людей, клявшихся в том, что они «в завязке».

– И где вы его нашли? – задала инспектор новый вопрос.

– На кардигане, – ответил Китс.

Ким почувствовала волнение. Волос принадлежал человеку, который находился очень близко к жертве. Теперь им оставалось только найти подозреваемого.

– Еще что-то? – поинтересовалась детектив.

Патологоанатом покачал головой.

– Все довольно очевидно. Рана от одного ножевого удара, размеры которой будут указаны в отчете. – Китс помолчал, глядя поверх очков. – Так что, инспектор, дело кажется слишком простым для детектива вашего калибра.

Прежде чем уйти, Ким посмотрела на него. По собственному опыту она знала, что таких дел не бывает.

– И последнее, инспектор, – добавил эксперт. – На теле нет никаких признаков нерешительных действий.

У двери Ким приостановилась. Обычно такие признаки – в виде ран – появляются, когда убийца собирается с духом, чтобы нанести смертельный удар.

А это значит, что убийца совсем не нервничал.

³¹ Фолликул – корень волоса вместе с окружающим его корневым влагалищем.

Глава 18

Алекс аккуратно поставила поильник на край тумбочки и сжала два пакетика с солью в руке.

Лампы погасли.

Кэсси отложила роман Софи Кинселлы³² и легла на спину. Так как в камере не было ни одного окна, выходящего на улицу, она погрузилась в непроглядную темноту. Но Торн наизусть выучила все движения своей соседки. Вот сейчас она пялится в потолок, ожидая, пока ее веки не отяжелеют и еще один день не завершится.

– Знаешь, Алекс, чем ближе какое-то событие, тем медленнее течет время, – пробормотала Кэсси.

– Я понимаю, о чем ты, – согласилась с ней ее соседка, мечтая лишь о том, чтобы эта тупая корова заснула. Сегодня наступила решающая ночь.

– То есть я знаю, что меня выпустят через несколько дней, но каждый час теперь тянется, как неделя.

Доктор улыбнулась в темноте. Человек с совестью почувствовал бы приступ вины от того, что должно было произойти, но ее это не касалось. Ей повезло родиться без подобной обузы.

– Странно, но в этом месте со мной произошли именно те изменения, которые были мне необходимы, – продолжала Кэсси. – Мне двадцать пять лет, и впереди у меня целая жизнь. Я очистилась от наркотиков и теперь могу вернуться домой и, наконец, заняться воспитанием своих детей.

– М-м-м-м, – промычала Алекс. Конечно, можешь. Она надорвала оба пакетика и высыпала их содержимое в воду.

– Прости, я не хотела, – сказала Кэсси.

– Всё в порядке, – ответила Торн. – Я рада, что у тебя есть дети, к которым ты можешь вернуться. – Тут она посмотрела туда, где, как знала Алекс, на стене висела единственная фотография. Ей не нужен был свет, чтобы вспомнить, что с фото на нее смотрят симпатичный мужчина и двое светловолосых мальчиков. Она прекрасно помнила их черты.

– А ты ведь никогда о них не говоришь, правда? – все не умолкала женщина на соседней койке.

Нет, Алекс никогда не говорила о своем муже и двух сыновьях. Достаточно было того, что сама фотография работала на нее. Прекрасное фото ее семьи, которая четыре года назад погибла в автомобильной катастрофе. Эта история была печальна до невероятности. Особенно пикантным было то, что они возвращались домой после того, как купили Александре громадный букет на День матери³³. Цветы из букета потом покрывали тела ее двух мертвых сыновей, и это добавляло в трагедию еще больше поэтики и эмоций. Как и медальон с их переплетенными инициалами, который нашли в кармане ее мужа.

Все было бы именно так, если б это было правдой. Но на самом деле Алекс взяла фото из каталога, и она никогда в жизни не была замужем. Фотография хорошо служила ей в прошлой жизни. Она стояла на столе, слегка повернутая в сторону кресла, на котором сидели ее пациенты.

Семья означает стабильность и доброжелательность. Это всегда срабатывало.

– Все еще слишком свежо... – Торн покачала в темноте головой.

³² Софи Кинселла (наст. Маделин Уикем, урожд. Маделин Таунли, р. 1969) – популярная британская писательница; наибольшей популярностью пользуются ее романы в стиле чиклит (читиво для цыпочек).

³³ День матери празднуется в Великобритании в первое воскресенье марта.

– Мне так жаль, Алекс. Должно быть, это ужасно...

– Честное слово, всё в порядке, – прервала она Кэсси. Жалость, звучавшая в голосе соседки, доставляла ей удовольствие, но в то же время и раздражала. Александре нужно было, чтобы эта болтливая идиотка заснула.

А вот в пластиковой обложке для книги пряталась еще одна фотография. И она много значила для Алекс. На ней были двое близнецов – мальчик и девочка. Именно это фото будет тем катализатором, который вернет Ким в ее прошлую жизнь.

Доктор отложила эту восхитительную мысль в сторону. Сейчас ей надо выполнить свою работу.

Она повернулась на бок, давая понять, что беседа закончена, а затем начала считать и дошла до семисот, прежде чем дыхание Кэсси стало медленным и ритмичным.

После этого Алекс осторожно приподняла простыню и достала свое оружие – пресс-папье, которое она украла в библиотеке. Сжав его в руке, Торн ощутила его вес и надежность. Глубоко вздохнув, она начала отсчет – и на счет «три» ударила себя пресс-папье в правый глаз. Жгучая боль отозвалась у нее в виске, распространилась на лоб и проникла в нос. Алекс сжала зубы, чтобы не закричать. Боль от удара быстро прошла, и глаз стал стремительно затекать. Через несколько минут опухоль будет хорошо видна. Прекрасно.

Засунув руку под резинку пижамных штанов, Торн коснулась живота справа от пупка. Зажав кожу между большим и указательным пальцами, она сильно выкрутила ее, а потом повторила это движение еще два раза, пока острая боль не ослепила ее. Даже в темноте, ничего не видя, она могла представить себе красные пятна на своей коже.

После этого Алекс медленно села, свесив ноги с кровати, протянула руку за поильником и залпом выпила половину воды. Результат не заставил себя ждать – женщина наклонилась вперед, и ее вырвало прямо на пол.

Кэсси заворочалась.

Александра повторила весь процесс еще раз.

– Алекс, что с тобой? – подала голос ее соседка. – Ты что...

– На помощь! – закричала доктор и забарабанила кулаками в дверь. – Кто-нибудь, помогите скорее!

– Алекс? – Полностью проснувшись, Кэсси села в кровати.

Торн продолжала барабанить в дверь и кричать:

– Кто-нибудь, помогите! Прошу вас, уберите ее от меня!

Кэсси выпрыгнула из кровати. Было слышно, как ее ноги поскользнулись в рвотной массе.

– Какого черта...

– Да помогите же, кто-нибудь!!!

Доктор чувствовала смятение, исходившее от ее сокамерницы. Едва проснувшись, Кэсси оказалась стоящей в блевотине, а перед ней была женщина, которая, как сумасшедшая, звала на помощь. Заспанная заключенная просто не могла понять, что происходит.

«Ждать тебе придется недолго», – подумала Алекс, услышав шаги, гремящие по коридору.

Дверь распахнул красномордый полноватый надсмотрщик, которого звали Беккет. Зажегся свет.

– Боже святой, что здесь произошло?! – Второй надзиратель уставился прямо на заплаканный глаз Алекс.

Доктор отодвинулась от Кэсси, которая в замешательстве стояла посередине камеры.

– Она только что ни с того ни с сего напала на меня! Я спала и проснулась, когда она уже стояла над моей кроватью... – Тут Александра спустила пижамные штаны, как будто

одного подбитого глаза было недостаточно. – Она так сильно ударила меня в живот, что меня стошнило.

Надзиратели изумленно смотрели на женщин.

– Я, честно... могу поклясться, что ничего не делала! – Кэсси отчаянно трясла головой. – Я спала и слышала...

– Прошу вас, уведите меня от нее! Я просто в ужасе... – Алекс обхватила плечи руками. – Она сошла с ума. Прошу вас, уберите меня от нее!

Полный надсмотрщик мягко взял ее за предплечье и вывел из камеры.

– Пойдемте со мной. Я отведу вас в санчасть.

Торн позволила вывести себя в коридор. Пройдя футов двадцать, она высвободила свою руку.

– Вы посадили меня в одну камеру с гребаным лунатиком. Мой дорогуший адвокат будет просто счастлив! Я немедленно желаю видеть начальника тюрьмы.

Глава 19

Доусон заехал на парковку рядом с пабом и какое-то время сидел в машине неподвижно. Босс распустила их с час назад, после того, как закончился короткий брифинг. Кевин постарался не показывать, что все еще злится от того, что Китс так вульгарно продемонстрировал свое неуважение к нему во время вскрытия.

Сержант знал, что никогда не давал патологоанатому повода скрывать от него информацию, но Китс, как и большинство людей, предпочитал иметь дело с начальством. И это было бы здорово, если бы Кевин хотел спокойной жизни, но как раз к этому он не стремился.

Временами Доусон вообще не был уверен, что начальница доверяет ему. Понятно, что иногда он выводил ее из себя своими постоянными вопросами, но если бы она реально хотела, чтобы Кевин это прекратил, то могла бы так прямо и сказать ему об этом. Да он и сам знал, что он зануда. Бывали случаи, когда во время принятия каких-то решений Кевин слышал себя как бы со стороны, и нередко он сам себе не нравился. А что делать, если с некоторыми решениями босса он не был согласен?

А вот Стейси всегда была всеобщей любимицей. Вечно умудрялась найти во время своих компьютерных раскопок золотой самородок, который сдвигал дело с мертвой точки. Кевин уважал ее способности, да и вообще она ему нравилась, но иногда он чувствовал себя парнишкой-неумехой, которого включили в футбольную команду просто из жалости.

Бывали моменты, когда сержанту хотелось, чтобы шеф, наконец, обратила на него внимание.

Именно поэтому он и приехал сюда, в паб, после того, как все остальные разошлись по домам. Может быть, сегодня сюда придет кто-то из посетителей, которые были здесь и вчера? Кто-то, кто большинство вечеров проводит в пабе...

Кевин ослабил галстук, хотя и понимал, что не станет похож на копа меньше, чем если бы он вошел в паб в своей старой форме.

– Послушай, приятель, есть минутка? – услышал сержант, подойдя к двери.

Он повернулся и увидел парнишку лет двадцати, одетого в спортивный костюм «Адидас». Нижняя часть лица парня была усыпана прыщами. Доусон немедленно понял, что должен ощущать этот мальчик. У него в юности были такие же проблемы. А еще он был толстым.

– Слушаю тебя, приятель, – ответил он.

– Пару слов для «Дадли стар»...

– Ты же шутишь, правда? – Кевин оглядел парня с ног до головы.

– Бабба Джонс, стажер в отделе уголовной хроники. – Молокосос нагло улыбнулся и протянул ему руку.

Сержант проигнорировал ее.

– Черт тебя дерит, приятель, даже у Фрост больше такта! – проворчал он и вдруг нахмурился. – Кстати, где она?

– Собирает материал для статьи в Манчестере. А вы ее знаете?

– Еще бы! – ответил Доусон.

– Она просто потрясающая, правда? Я хожу за ней вот уже несколько недель после того, как закончил универ.

Сержант не был уверен, что первым эпитетом, который пришел бы ему на ум при описании этой репортерши, был бы «потрясающая», но решил не распространяться на эту тему.

– А Бабба – это твое настоящее имя? – поинтересовался он, все еще хмурясь.

Парень пожал плечами. Странная улыбка держалась на его лице, как приклеенная.

– Это мой псевдоним. Подумал, что так меня скорей заметят.

Доусон прикинул, стоит ли высказывать свое мнение по этому поводу, и решил промолчать.

– Так вы согласны поболтать или как? – не отставал от него молодой человек.

– Или как, – ответил полицейский, пытаясь пройти мимо.

– А что так?

Сержант был не в настроении что-то объяснять.

– Просто не хочу. А теперь убирайся с дороги! – прорычал он.

– Но я могу помочь, приятель. Организовать утечку, или воззвание, или...

– Освободи дорогу, приятель. – Кевин отодвинул парня в сторону. У него действительно не было времени на всякие глупости.

Он вошел в бар и сразу окунулся в шум оживленных разговоров, тема которых не вызвала у него никакого сомнения.

Если здесь есть хоть что-то, то он это разыщет. Пора доказать боссу, что она не права.

Глава 20

Ким взяла чашку и прошла в гараж. Барни шел за ней по пятам.

Инспектор облокотилась на рабочий стол и осмотрела лежащую на полу грудку металлических деталей. Некоторые люди расслаблялись осенними вечерами, сидя на патио с бокалом вина в руке и наблюдая за цветами, ветвями деревьев или за чем-нибудь еще. Некоторые избавлялись от дневных хлопот под пение птиц в сумерках. Ким же предпочитала стоять в гараже и любоваться на кучу мотоциклетных запчастей.

Но в голове у нее постоянно вертелись мысли о текущем расследовании. Кое-что в смерти Дианы Брайтман не имело для детектива никакого смысла. Стоун уже доводилось видеть убитых одним ударом ножа. И каждый раз в таких случаях было понятно, в каком направлении надо искать: домашнее насилие, наркотики, бандитские разборки, иногда даже простая драка или хулиганство. Но нынешний случай не попадал ни под одну из этих категорий, что сильно беспокоило Ким. Казалось, что для убийства Дианы Брайтман не было вообще никаких причин. Инспектор встряхнула головой, вспомнив саркастическое замечание Кевина по этому поводу: и тем не менее Диана мертва. С этим было трудно спорить. А значит, где-то была причина ее убийства.

Ким вздохнула и обошла вокруг подстилки, на которой лежала система выхлопа. Женщине хотелось опуститься на колени и полностью погрузиться в это простое и понятное царство хрома, но ее взгляд постоянно возвращался к стене, отделявшей гараж от кухни и от шкафа, в котором все еще лежало письмо. По какой-то необъяснимой причине Стоун не смогла его выбросить.

Часть ее испытывала любопытство по поводу того, что могло содержаться в этом конверте – возмутителе спокойствия, но все воспоминания о ее встречах с Алекс были заперты в коробочке, спрятанной в самой глубине ее сознания. Единственный вопрос, который иногда возникал у Ким, был связан с тем, насколько близко была она от того, чтобы потерять разум. Но когда он всплывал в ее сознании, женщина от него отмахивалась.

Так что вскрытие этого конверта было для нее больше, чем просто распечатыванием письма. Этот конверт открывал шлюзы. Александра Торн находится в тюрьме за то, что организовала несколько смертей, – больше Ким ничего не хотела знать.

С этой мыслью она решительно направилась на кухню и стала просматривать полученную почту.

Там не было ничего необычного, пока инспектор не добралась до последнего письма. Это был простой коричневый конверт с окошечком, в котором был виден ее напечатанный адрес. Но внимание Ким привлек почтовый штемпель. Конверт был опущен в Честере.

Единственным, что связывало ее с Честером, было медучреждение Грантли³⁴. Очаровательное название для психушки, в которой последние двадцать пять лет находится эта сука, ее мамаша.

Раньше они никогда ей не писали.

Пальцы Стоун слегка дрожали, пока она вертела конверт. В деле ее матери было письменное распоряжение, что с ней необходимо связаться только в одном случае – в случае ее смерти.

Правда, Ким почему-то думала, что ей сообщат об этом по телефону. Детектив полагала, что ей позвонит Лили – женщина, с которой она общалась около двадцати лет.

Инспектор замерла на мгновение, намереваясь открыть конверт. Развернув единственный лист бумаги, она глубоко вздохнула и приступила к чтению. Таким образом Стоун попы-

³⁴ Английское слово *grant* можно перевести как «дар», «пожалование».

талась подготовить себя к тому, что ей предстояло узнать. Ее охватило душевное волнение, у которого не было названия. Это не было ни горем, ни сожалением о потере, ни огорчением, ни даже намеком на печаль. Но не было это и радостью или облегчением.

Чувство было неожиданным и очень острым.

Ким пробежала страницу глазами, выискивая ключевые слова: смерть, похороны, соборно-лезнования. Она нахмурилась, когда не нашла их, но ее взгляд споткнулся о слова «условно-досрочное освобождение» и «комиссия».

Женщина перевернула лист, как будто ожидала увидеть на обороте клоунскую физиономию и объяснение этой жестокой шутки. А потом вновь повернула его текстом к себе. На листе был официальный логотип Грантли, и Ким поняла, что письмо настоящее.

Непроизвольно она отрицательно покачала головой, как будто это физическое действие могло уничтожить письмо.

«Как, черт побери, такое может случиться?» – подумала Ким и немедленно достала телефон.

– Черт! – прорычала она, потому что ее большой палец дергался на кнопке и не мог нормально нажать на нее. Остановить. И немедленно. Ни при каких обстоятельствах эта женщина не должна покидать данное учреждение.

Не выпуская телефона из рук, Стоун мерила шагами комнату. Что же, черт побери, произошло? Ее мать никогда не пыталась покинуть Грантли. Более того, перед каждой комиссией по УДО с ней случались приступы насилия, которые гарантировали ее дальнейшее нахождение за решеткой.

Ким не знала, что ее мать намеренно делала все, чтобы оставаться под замком, до тех пор пока социопат по имени Александра Торн не разложила ей все по полочкам.

– Дерьмо, – сказала инспектор, остановившись и глядя на кухонный шкаф, в котором лежало письмо Александры.

Вспомнив о том, что она получила накануне, Ким почувствовала себя так, как будто тонет. Но ведь не могло же быть так, чтобы эти два вмешательства в ее жизнь совпали не случайно!

Стоун два раза глубоко вздохнула и вновь нажала большим пальцем на кнопку. На этот раз экран загорелся. Отлично.

Она повернулась спиной к кухонному шкафу. Сил у нее хватит только на одну злобную суку зараз.

Пролистав список контактов, она нашла телефон Грантли и нажала кнопку вызова.

Сейчас там осталась только ночная смена, но на звонок все равно кто-то ответит. Трубку подняли после третьего гудка.

– Ким Стоун, – представилась детектив. – Родственница Патти Стоун. – Она не смогла произнести слово «дочь». – Могу я поговорить с Лили?

– Мне очень жаль, но Лили теперь редко работает в ночную смену. Может быть, я смогу вам помочь? – отозвалась ответившая ей сотрудница больницы.

Ким хотелось протянуть руку и выключить этот приятный, идеально модулированный и тренированный голос. В таком разговоре ему было не место.

– Я получила письмо, – заявила она, помахивая листом бумаги.

Мгновение ее собеседница колебалась, а потом сообразила в чем дело.

– Так вы о комиссии по УДО? Мы всегда информируем родственников, когда...

– Она об этом знает? То есть я хочу спросить, проинформировали ли... Патти об этом. Раньше она никогда не позволяла делу дойти до комиссии.

– Я это знаю. – В голосе женщины послышалась улыбка. – Мы тоже сильно удивлены. И медицинские, и психиатрические результаты, которые представлялись на комис-

сию за последние семь лет, были совершенно нормальными. За время заключения душевное состояние вашей матери значительно улучшилось. Лишь случайные вспышки...

– И не было никаких приступов агрессии? – уточнила Ким. С каждым ответом судороги у нее в желудке становились все сильнее и сильнее.

– Ни одного, – ответила дежурная. – Ваша мать – просто идеальный пациент. Приятная, услужливая, с хорошим поведением. Настоящая умничка.

Стоун почувствовала, как тошнота подступает ей к горлу. Мир переворачивается, а она ничем не может остановить его.

Эта женщина – прямое воплощение зла, и никто не сможет убедить Ким в обратном. Ей все равно, кто, как и сколько времени наблюдал за ней. Ведь никто, кроме нее самой, не испытывал на себе жестокость и мучения, которыми мать так легко ее одаривала. Всю свою сознательную жизнь Ким живет с последствиями этих действий.

– Вы можете ею гордиться, – жизнерадостно продолжал голос в телефонной трубке. – Мы все знаем, что изменилась она только благодаря вам.

– Не поняла, – пробормотала Стоун. Ведь с тех пор, как она выяснила, где находится ее мать, ничего не изменилось. Ежемесячные телефонные звонки, чтобы проверить, не умерла ли она, были максимумом того, на что Ким была способна, когда дело касалось жизни этой суки-убийцы.

– Ну конечно, это ваша заслуга. Все перемены начались, когда она стала получать от вас письма.

Больше инспектор ничего не слышала, потому что и письмо, и телефон упали на пол.

Глава 21

15 декабря 2007 года

Уважаемый дневник,

Сегодня я до нее дотронулся. Не смог сдержаться.

Ощущение было одновременно и болезненным, и острым. Мои пальцы коснулись ее затылка, и я развязал кляп, который не позволял ей издавать звуки в течение ночи.

Я уже говорил ей об этом раньше. Один звук – и ты умрешь.

Она послушалась.

Ее волосы, шелковистые и мягкие, пахнущие жасмином, оплели мне пальцы. Я знаю запах жасмина. Он был любимым запахом моей мамы. Волосы были нежными, как волосы новорожденного младенца. Я в изумлении гладил их. Вдыхал их аромат и терся о них щекой.

Восхитительно.

Почувствовав, как напряглось мое естество, я крепко ухватился за него и ощутил ее резкий вдох, услышал негромкий крик боли, который мгновенно сменился взглядом, молящим о пощаде.

Она издала этот звук.

Я не обратил на него внимания. Но только на этот раз.

Я стряхнул свое семя ей в рот. Оно прелестно сочилось из уголка ее губ и по подбородку. Это было и отвратительно, и в то же время эротично. Я вытер его и почувствовал рукой теплую бархатистость ее нижней губы. Она дрожала под моими пальцами. Но не от желания, а от страха. Очень хорошо – страх мне нравится больше.

Я сжал ее губу между большим и указательным пальцами, как будто старался выдавить прыщ. И увеличивал давление до тех пор, пока мягкая плоть не изменила свой цвет и не стала пунцовой под моими пальцами.

Она заерзала, стараясь не закричать. Быстро училась правилам игры.

Очень хорошо. Сев рядом с ней, я нежно зашептал ей на ушко.

Я рассказал ей о ее поисках. Сказал, что родители уже знают, что ее нет у подруги. Что они испуганы и обеспокоены. Рассказал, что информация о ней еще не появилась в национальных изданиях. В конце концов, она отсутствует всего один день, так что ее случай не дотягивал до уровня всей страны. А еще я рассказал, что ее фото показали в местных теленовостях и напечатали в «Дадли стар». В ее глазах засветилась надежда, но я быстро разочаровал ее. Глупышка. Ее никто никогда не найдет. На этот счет она может не беспокоиться. Нам предстоит еще много времени провести вместе.

Пока я нашептывал ей все это, мои губы касались тончайших волосков на мочке ее уха. От этого мое тело пронзило чувство исступленного восторга.

Но этого было недостаточно. Первый опыт только раззадорил меня и заставил жаждать большего. Мне хотелось трогать, сжимать, пытаться – полностью овладеть каждым дюймом ее тела.

И завтра это произойдет.

Я должен буду это сделать.

Глава 22

– Ну, ребята, что нового?

– Растущий список клиентов паба с начисто отшибленной памятью, – мрачно пошутил Доусон. Улыбка появилась на его лице мгновением позже.

– Ты их всех нашел? – спросила инспектор.

– Почти всех, – пожал плечами сержант. – Одни и те же имена возникают уже по третьему-четвертому разу.

– А что с китайской забегаловкой? – продолжила расспросы Ким.

– Гораздо хуже, босс.

Инспектору это было понятно. В пабе люди встречаются, общаются. Это местный пункт сбора. Так что здесь присутствовал момент ассоциативной памяти. Вспоминая о недавнем вечере, люди могли сказать, кто где сидел, кто играл в пул, а кто – в дартс, кто стоял рядом с игровым автоматом, кто перепил и вел себя агрессивно. Они, может быть, не могли назвать полные имена других посетителей, но фамилия или прозвище могло вызвать воспоминания у кого-то еще. Так постепенно собирается информация – словно затягивается бредень.

С забегаловкой все по-другому. Люди заходят в нее, делают заказ, забирают еду и уходят. Даже если в углу за роялем будет сидеть Элтон Джон, они не обратят на него внимания.

– Отличная работа, Кев. Продолжай, – сказала Стоун.

Достаточно было, чтобы из всех посетителей паба, которые были там вчерашним вечером, один-единственный запомнил лицо, фигуру или что-нибудь еще.

– Что с телефонами, Стейс? – повернулась она к констеблю.

– Да-да, – отозвалась та. – Ну вчера был какой-то вялый день, потому что только две сети подтвердили, что люди были там, где и говорили. Распечатки с телефонов Анны и Сильвии я получу сегодня позже. И я все еще жду разрешения от Ребекки и Митчелла.

Инспектор нахмурилась. Родственники Дианы должны были дать эти разрешения еще вчера. Брайант велел им уведомить всех провайдеров, чтобы сэкономить время на получении ордеров.

Пожав плечами, Брайант показал, что не имеет ни малейшего представления, почему они до сих пор этого не сделали.

– Ладно, мы этим займемся, – кивнула Ким. – А пока ты ждешь распечатки, Стейс, займись-ка финансами семьи Брайтман. Не верю, что такой дом можно купить на зарплату двух государственных служащих.

– Уже делаю, босс.

– Ну что ж, ребята, по коням! – сказала инспектор, направляясь в «кутузку»³⁵.

Войдя в нее, она плотно прикрыла за собой дверь и достала телефон, отвернувшись от возможных любопытных взглядов. На звонок ответили после второго гудка.

– Можно Лили... пожалуйста? – произнесла детектив.

Пальцы ее левой руки выбивали на столешнице дробь.

– Ким, как мило вас снова услышать! – произнес теплый голос, который не менялся на протяжении многих лет.

– Что, черт побери, происходит?! – взорвалась Стоун.

³⁵ Так в участке называют крохотный кабинет Ким, выгороженный в большом помещении отдела криминальных исследований.

Гнетущее напряжение, вызванное создавшейся ситуацией, только усилилось за ночь, когда она ничего не могла делать, кроме как ходить как заведенная, сидеть, готовить кофе, а потом снова ходить. Сейчас инспектор тоже мерила шагами свой кабинет.

Ким смогла убедить себя, что один звонок Лили, единственному человеку, с которым она контактировала в Грантли, немедленно прекратит весь этот кошмар. Лили заверит ее, что письмо послали по ошибке. Что это не что иное, как результат административной неразберихи, и ничего больше. И после этого она опять сможет дышать.

– Прошу прощения, Ким, возьмите себя... – начала было сотрудница клиники.

– Письмо, – перебила ее Стоун. – Это чертово письмо о комиссии по УДО. Это же просто ошибка, правда?

Молчание на другом конце линии вызвало у Ким судорогу в животе. Где же этот успокоительный смешок, где теплые заверения, что это ошибка, которая никогда больше не повторится?

Детектив напряженно ждала.

– Лили?... – позвала она, наконец, собеседницу.

– Это не ошибка, Ким.

Инспектор рухнула на стул, словно почувствовав толчок мини-землетрясения.

– Но как... то есть... почему?

– Ваши письма очень сильно повлияли на вашу мать, Ким. Я так рада, что вы наконец...

– Это не я! – простонала Стоун, пытаясь хоть что-то понять.

– Не вы... что?

– Это не я писала письма, Лили. Они не от меня.

Теперь в установившейся тишине витало замешательство.

– Но я же их читала! – изумилась медичка. – Вы писали о прощении, о втором шансе, о возможности начать все сначала...

Одна мысль о подобном вызвала у Стоун тошноту. Скорее ад превратится в ледяную пустыню, чем она произнесет подобные слова.

– Это писала не я, – повторила инспектор.

– Но они все были подписаны: «Твоя любящая дочь». Вы уверены, что...

– Уверена, – эхом отозвалась Ким.

– Ни одного? – В голосе Лили звучало сомнение.

Детектив чувствовала, что ее собеседница старается усвоить новую информацию.

– Ни одного! – рявкнула она.

– Но кто же...

– Я догадываюсь, кто, – ответила Ким, глядя на конверт, который принесла на работу.

И опять в ее кабинете повисла тишина.

– Лили? – позвала, наконец, Стоун, чтобы убедиться, что та все еще ее слушает.

– Я... я просто не знаю, что сказать.

Стоун слышала, что голос медички полон сомнений. Она затрясла головой, понимая, что ей придется убедить эту женщину, что письма писала не она.

– Лили, мы общаемся с вами уже много лет. Вы хоть раз слышали от меня слова «прощение» или «возможность начать все сначала»?

– Ну-у-у-у... нет, но я подумала, что, может быть, вы в своей жизни пришли к выводу...

– Не приходила, – резко ответила инспектор.

Ладно, успокоила она себя. Это не ошибка, и ее мать действительно будет на комиссии по УДО. План А провалился. Пора переходить к плану Б: как все это можно остановить.

– Как вы могли позволить произойти всему этому, Лили? – спросила Ким обвиняющим голосом. – И почему с вами не посоветовались?

Вновь наступившая тишина сказала ей о том, что сейчас она услышит что-то очень неприятное.

– Со мной советовались, Ким. И я от всего сердца одобрила ее освобождение, – ответила, наконец, Лили.

Стоун оглянулась в поисках руки, которая только что дала ей пощечину.

– Вы сделали... что?

– Она созрела, Ким. Я была одной из тех, кто ухаживал за ней на протяжении более чем двадцати лет. Она заслужила провести последние годы...

– Она заслужила быть сваренной заживо за то, что сделала, но, полагаю, у нас с вами разные понятия о справедливости, – заявила Стоун с горечью в голосе.

Почему-то согласие Лили сильно ее обидело. Несмотря на то, что они никогда не встречались, Ким рассчитывала, что в какой-то степени эта женщина – ее союзник, что она понимает ее мать так же, как она сама. Что Лили на ее стороне.

– Почему, черт побери, меня не поставили в известность об этом? – задала инспектор новый вопрос.

– Но в ее деле есть письменное распоряжение, в котором говорится о том, что вас надо информировать лишь в случае ее смерти. Вы же сами требовали...

– Я сама знаю, что требовала, – прервала ее Ким. – Но, как мне кажется, то, что вы одобрили ее освобождение, заслуживает хотя бы одного телефонного звонка.

Детектив никак не могла решить, кто из них двоих лишился разума.

– Ким, если вы только сами приедете и посмотрите... – попыталась убедить ее Лили.

– Мне пора, – сказала инспектор и разъединилась.

Они и так уже говорили значительно дольше, чем обычно, когда Стоун звонила, чтобы убедиться, что ее сука-мамаша все еще находится под охраной. Ким покачала головой. Она не могла представить себе свою мать выходящей из заключения.

Неожиданно мир вокруг нее изменился. Он перестал быть тем местом, которое она хорошо понимала. Вокруг нее возникла чужая земля с совершенно другим пейзажем.

И Ким знала, что все это заслуга одной женщины.

Она сунула руку в рюкзак и, вытащив конверт, принялась вертеть его в руках, ненавидя ум женщины, которая написала это письмо. Алекс знала, что теперь она никак не сможет его проигнорировать.

Ким поставила ногу на корзину для мусора и открыла конверт.

Пока она доставала из него единственный листок бумаги, ее нога постукивала по крышке корзины, отражая трепет инспектора перед женщиной, которая смогла подвести ее так близко к краю.

Глубоко вздохнув, Стоун принялась за чтение. При этом она старалась проникнуть в тайный смысл написанного:

«Голубушка Кимми...»

Эта сука знает, что единственным человеком в мире, кто ее так называл, была ее мать.

«Надеюсь, что это письмо застанет тебя в добром здравии».

Лгунья.

«Мне не хватает тебя, и я разочарована, что ты до сих пор не нашла времени, чтобы меня навестить. Особенно после нашей последней встречи на берегу канала, где мы много говорили о твоей матери».

Ты еще не забыла, как я почти поставила тебя там на колени?

«Я знаю, насколько ты дорожишь здоровьем своей матери, поэтому присматривала за ней, пока ты была немного занята».

Ты была настолько глупа, что совсем перестала интересоваться ею.

«Уверена, сейчас ты уже знаешь, что ее здоровье настолько улучшилось, что она будет присутствовать на следующей комиссии по УДО. Уверена, что мысль о том, что твоя мать освободится, сильно возбудила тебя с эмоциональной точки зрения».

Надеюсь, что эти новости вынесли тебе мозг.

«Было приятно обмениваться письмами с твоей милой мамой. Это помогло мне заполнить свободное время, хотя, как ты знаешь, я всегда умела развлекать себя самостоятельно».

И все это случилось только благодаря мне.

«В этих стенах много заблудших душ, которым могут помочь мои знания».

Уверена, что ты не забыла, на что я способна.

«Но письма и сокамерники могут заполнить только часть моего времени. А вот личные визиты ближайших друзей значат для меня гораздо больше».

Приди ко мне на встречу, иначе пострадают другие люди.

«Если у тебя найдется свободная минутка, я с удовольствием поделюсь с тобой некоторыми мыслями, высказанными твоей матерью, и надеюсь, что это произойдет скорее раньше, чем позже».

И поторопись.

«Любящая тебя

Алекс».

Ким хлопнула листом по столу и попыталась сосчитать количество завуалированных посланий в этом коротком письме, но одно из них сильно выделялось из всех. То, на которое автор письма хотел особо обратить ее внимание.

Я знаю, что твою мать надо держать под замком.

Стоун почувствовала, что ее загнали в угол.

Ее последняя встреча с Алекс была спровоцирована убийством известного насильника. Тогда одна Ким почувствовала, что доктор Торн как-то замешана в этом преступлении, – и оказалась права. Месяцы манипуляций и упражнения по визуализации заставили жертву насильника четыре раза ударить его ножом.

А еще Алекс использовала постояльцев «дома на полпути»³⁶, чтобы отточить свои способности манипулятора. Один молодой человек тогда до полусмерти избил своего соседа, проведя с Торн всего несколько часов, другой попытался убить свою жену и ее нового мужа. Но последним и самым возмутительным делом Александры было использование матери с постродовым синдромом и ее новорожденного сына.

Ким содрогнулась. Она вспомнила, как пыталась вдохнуть жизнь в безжизненное тело того крошки.

И все это делалось под знаменем научного эксперимента.

Да, Стоун очень хорошо знала, на что способна Александра Торн, и давно поклялась не приближаться к ней на близкое расстояние.

Выругавшись, она ударом ноги отправила корзину в полет по кабинету.

³⁶ Так в Великобритании называют центры реабилитации для освободившихся преступников (см. роман «Злые игры»).

Глава 23

Алекс сидела на металлическом стуле с правой стороны от двери в кабинет начальника тюрьмы. Теперь она понимала других, когда те рассказывали, что это ожидание было сродни ожиданию выволочки от школьного директора, хотя сама ничего подобного не ощущала. Она сама организовала эту встречу, которая пройдет под ее диктовку.

В ее досье мистеру Роджеру Эдвардсу было посвящено немало страниц. Развитие его карьеры было совсем не звездным. Оно напоминало замысловатый танец: шаг вперед, два назад и несколько в сторону.

И хотя лично Торн начальника тюрьмы не встречала, по ее информации, он был человеком малоэффективным, который после ряда неудачных попыток подняться выше осел в тюрьме Дрейк-Холл наподобие пыли и намеревался тихо отсидеть здесь следующие два года, пока не подойдет время уходить на пенсию.

– Прошу вас, Александра, заходите, – донеслось из открывшейся двери.

Алекс поехала, проходя мимо Эдвардса. Времени было всего девять часов утра, а от него уже несло слабым запахом пота.

Она уселась на ближайший к столу стул. На столе стояли две фотографии: на одной была изображена пухлая блондинка с девочкой несчастного вида, а на второй, которая была в два раза больше первой, – сам начальник тюрьмы с немецкой овчаркой. Этого было достаточно, чтобы Александре все стало ясно.

Роджер протиснулся между стеной и столом и тоже уселся. Материал, из которого был сшит его синий пиджак, натянулся на плечах. Интересно, подумала Алекс, он что, собирается донашивать свой гардероб до самой пенсии?

– Прошу прощения, Александра, что не смог принять вас вчера, но мне весь день пришлось провести на совещании в Главной инспекции, – сказал Эдвардс.

Торн мысленно застонала. Ему не надо было ничего ей объяснять, но этого потребовало его эго. На доктора сие не произвело никакого впечатления, лишь вызвало у нее раздражение.

– Мистер Эдвардс, если я правильно помню, мы с вами не знакомы, так что я буду благодарна, если вы прекратите обращаться ко мне по имени, – ответила Александра.

Она не отвела взгляда, и сидящий перед ней мужчина покраснел и ничего не сказал.

Отлично! Хорошо, что они с этим разобрались.

Алекс не собиралась терпеть, когда с ней обращаются, как с остальными достойными сожаления идиотками в этих стенах. Может быть, здесь Эдвардс – царь горы, но она таких ест на завтрак.

– Так не расскажете ли вы мне, что, в сущности, произошло? – произнес начальник тюрьмы, разводя руки с лицемерной улыбкой.

– Конечно. Я подверглась свирепому нападению со стороны одной из ваших заключенных и глубоко обеспокоена тем, что оказалась в ситуации смертельной опасности.

Для наглядности Алекс дотронулась до своего глаза.

– Да, все это очень странно. – Роджер посмотрел на лежащее перед ним дело, пытаясь вспомнить имя. – Э-э-э, Кэсси Йитс была одной из самых образцовых наших заключенных. Вы понимаете, что мы просто не могли предвидеть подобного нападения?

– Боюсь, что мой адвокат с вами не согласится, мистер Эдвардс, – прищурилась Александра. – Если вы не можете предвидеть, что одна из ваших воспитанниц может быть такой агрессивной, значит, совершенно очевидно, что вы недостаточно разобрались в ее психике, потому что это-таки произошло.

Начальник не мог проигнорировать доказательство этих слов на ее лице. Оно было прямо перед его глазами.

– Я все это вижу, – не стал он спорить, – но не сделали ли вы чего-нибудь такого...

– Послушайте, мистер Эдвардс, – взорвалась Алекс, – вы что, действительно хотите обвинить меня в этом нападении?!

– Нет-нет! – Ее собеседник еще больше покраснел и поднял вверх руки.

– А мне кажется, что все это выглядит так, будто вы пытаетесь свалить все на меня, и я собираюсь отметить этот факт в письме, которое планирую написать в Главную инспекцию о безопасности этого заведения.

Увидев панику в глазах мужчины, Алекс подумала, кто же из них кого и к кому вызвал в конечном счете. Наверное, он понял, что имеет дело не с одной из овец, которые заполняют это заведение. Под его чутким руководством тюрьма перешла с седьмого на второе место по количеству случаев проявления физического насилия между заключенными. Еще одного скандала он просто не переживет. И это было одним из важных факторов плана Алекс.

– Не так быстро, миссис Торн. – Пока начальник все-таки не сдавался. – Мне кажется, что с этим происшествием не все так ясно.

– Нам больше нечего обсуждать. Вы не смогли обеспечить мне защиту от опасной преступницы, так что мне придется принять меры, чтобы не оказаться в подобной ситуации еще раз.

Чем больше Эдвардс вникал в ситуацию, тем мрачнее становилось его лицо. Взяв со стола карандаш, он стал вертеть его между пальцами.

– Я все понял, миссис Торн. Вы хотите, чтобы вас поместили в одиночную камеру, где вероятность таких случаев будет исключена?

Его самодовольная улыбка развеселила Александру. Он что, действительно считает, что способен понять ее замысел?

Доктор покачала головой.

– Нет, мистер Эдвардс, я хочу совсем не этого. – В первый раз за всю беседу она улыбнулась. – В камерах и у меня, и у Тани Нил есть свободные койки. Я хочу, чтобы она переехала ко мне.

Наградой ей были отвалившаяся челюсть собеседника и упавший на стол карандаш. Алекс пришлось ждать целых тридцать секунд, прежде чем начальник тюрьмы смог заговорить.

– Да кто вы такая, чтобы выдвигать здесь свои требования? Позвольте вам напомнить, что вы заключенная в этом учреждении и...

– И мне не смогли обеспечить безопасность, – закончила за него Алекс, наклонившись вперед. – О чем услышат в Главной инспекции и узнают в газетах, если я не получу то, что хочу. – Доктор на мгновение замолчала и улыбнулась. – А когда я буду писать эти письма, то могу непреднамеренно упомянуть об эпизоде, официальное заявление о котором было замылено, – а именно о том, что вы некстати коснулись груди одной молодой заключенной.

Тут Александра откинулась на спинку стула и скрестила ноги, наслаждаясь тем, как мертвенно побледнел начальник тюрьмы. Кончик его языка показался между губами, хотя он и умудрился выдержать ее прямой взгляд.

– Как вы смеете угрозой требовать от меня...

– Это не угроза, мистер Эдвардс. У моих адвокатов есть письменное заявление пострадавшей, и они получают инструкции использовать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.